

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

5.3

4 выпуска в год на 16 языках

Власть
и принцип

Уолден Белло

Социальные науки
и демократия

Дипанкар Гупта

Дискуссия о
заботе

Бригитте Ауленбахер, Майка Файн, Хильдегард Теобальд,
Яей Сайто, Роланд Атцмюллер, Альмут Бахингер,
Фабьен Десье, Биргит Ригграф, Моника Будовски,
Себастьян Шиф, Дэниел Вера Рохас, Елена Мур
и Джереми Сикингс

Социология сегодня

- > Новое направление русской социологии
- > Развитие чешской социологии
- > Китайская трудовая политика
- > Программа по социальным наукам на мировом уровне
- > Профессии в международной перспективе
- > Спасибо, Начо!

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association

ТОМ 5 / ВЫПУСК 3 / СЕНТЯБРЬ 2015
<http://isa-global-dialogue.net>

ГД

> От редактора

Публичная социология как сравнительная социология

Данный выпуск открывают два эссе из Азии, написанные выдающимися публичными интеллектуалами: один из них филиппинец, другой - индиец. Уолден Белло – один из социологов, вошедших в мир политики. Напомним, что ранее в ГД были опубликованы интервью с Фернандо Энрике Кардозо, который был президентом Бразилии (в номере ГД 3.4), а также с Николасом Линчем, ставшим министром образования в Перу (ГД 4.2). Белло рассказывает о напряженных моментах и компромиссах, связанных с деятельностью оппозиционной партии «Акбаян» в филиппинском парламенте. Белло – известный публицист, пишущий о процессах глобализации. За его плечами целая история смелых интервенций – от вторжения во Всемирный банк, в результате которого было обнаружено сотрудничество с диктатурой Маркоса, до обнародования жестоких действий Филиппинской коммунистической партии, в которой в то время состоял Белло. Индийский социолог Дипанкар Гупта относится к другому типу публичных интеллектуалов. Это творчески активный ученый, в то же время занимающий видное место в крупных международных организациях по развитию и национальных комиссиях, что приближает его к центрам власти. В своем исследовании он демонстрирует тесные связи между демократией и социальными науками.

За этими текстами, посвященными общественной вовлеченности социологов, следует дискуссия по поводу одной из самых актуальных проблем нашего времени, которую, однако, социология изучает слишком вяло – это проблема организации заботы. В статьях, собранных неутомимой Бригиттой Ауленбахер, рассматривается давление маркетизации на сферы ухода за детьми и пожилыми людьми в Австрии, Германии, Швеции, Японии, Испании, Австралии, Коста-Рике и ЮАР. Эта подборка освещает результаты чрезвычайно интересного и перспективного в методологическом смысле сравнительного исследования, поддержанного ИК МСА.

Два эссе, написанных молодыми учеными, рассказывают о новых направлениях в российской социологии. Лаборатория публичной социологии в Санкт-Петербурге бросает вызов двум преобладающим конвенциям: «инструментализму» исследований политики, проводимых по заказу государства или корпоративных клиентов, и «автономизму» профессионалов, стремящихся оградить себя от внешних влияний. Лаборатория публичной социологии выбирает третий путь критической вовлеченности, поддерживая сотрудничество с гражданским обществом, но при этом сохраняя научную строгость. Вторая российская статья – это фотозэссе о районе Санкт-Петербурга, в котором до сих пор сохранились образцы раннесоветской архитектуры. Пришло время для нового поколения социологов обратить внимание на образцы искусства, послужившие движущей силой для величайшего и самого трагического социального эксперимента XX столетия.

В журнале представлены три интересных статьи из Чехии и Словакии: исследование словацких домработниц в Англии, публичный отчет о миграции цыган и исследование, посвященное проблемам домашнего обучения. Специальные колонки посвящены профсоюзам в Китае, сравнительному исследованию мира профессий, и новаторской программе по продвижению социальных наук на мировом уровне. Наконец, мы сердечно прощаемся с Хосе Игнасио Регерой, который в течение трех десятилетий работал в секретариате МСА и незаметно привел нас в электронный XXI век. Вслед за этим мы приветствуем индонезийскую команду редакторов, которая с нынешних пор будет переводить «Глобальный диалог» на шестнадцатый язык.

> «Глобальный диалог» выходит на 16 языках на [сайте МСА](#).
> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Уолден Белло, всемирно известный филиппинский социолог, размышляет о вызовах и разочарованиях, которые ему принесла политическая карьера, и объясняет, почему он ушел из парламента.

Дипанкар Гупта, выдающийся индийский социолог и публичный интеллектуал, исследует связь между социальными науками и демократией.

Бригитте Ауленбахер, ведущий австрийский социолог, собирает отчеты об исследованиях заботы во всем мире.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой.

Помощник редактора: Гэй Сидман.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:

Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиан, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айзе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастоглоу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Бразилия:

Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Рафаэль де Суса, Бенно Альвес, ХулиоДавьес.

Колумбия:

Мария Хосе Альварес Ривадурья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Андрес Кастро Араухо.

Индия:

Ишвар Моды, Рашми Джайн, Праджья Шарма, Джьоти Сидана, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Индонезия:

Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияи, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Элсид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.

Иран:

Рейханех Джавади, Абдолкарим Бастани, Ниайеш Долати, Мохсен Раджаби, Фаззех Эсмаэили. Вахид Ленджанзаде.

Япония:

Сатоми Ямамото, Масахиро Мацуда, Фума Сэкигути, Тайки Хатано, Хидэмаро Инуйе, Шинса Камео, Канако Матакэ, Сюэй Мацуо, Кахо Мияхара, Норико Нисимори, Синтаро Оку, Фумито Сакураги, Ютаро Симокава, Маю Сиота, Масая Усуи, Томо Ватанабе.

Казахстан:

Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Гулим Досанова, Дауренбек Кулейменов, Рамазан Салыкжанов, Адиль Родионов, Нурлан Байгабыль, Гани Мади, Жүльдуз Галимжанова.

Польша:

Якуб Баршевский, Мариуш Финкельштейн, Вероника Гаварска, Кшиштоф Губаньски, Кинга Якела, Юстына Косьциньска, Мартына Мацюх, Каролина Миколаевска-Заяц, Адам Мюллер, Зофья Пенза, Тереза Тележиньска, Анна Вандзель, Юстына Зелиньска, Яцек Зых.

Румыния:

Косима Ругиниш, Корина Брэгару, Костинел Ануца, Адрияна Бондор, Рамона Кантараджу, Александру Дуцу, Ирина Кристина Фэйнару, Ана-Мария Илиеш, Руксандра Йордаке, Габриела Иван, Михай-Богдан Марьян, Анка Михай, Аделина Морошану, Моника Нэдраг, Радунэфорницэ, Оана-Елена Негря, Элисабета Тома, Елена Тудор.

Россия:

Елена Здравомыслова, Любовь Чернышова, Анастасия Головнева, Анна Кадникова, Ася Воронкова.

Тайвань:

Чжин-Мао Хо.

Турция:

Гюл Чорбаджиоглу, Ирмак Эврэн.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

Консультант редактора: Ана Виллареаль.

> В номере

От редактора: публичная социология как сравнительная социология **2**

Власть и принцип: злключения социолога в парламенте
Уолден Белло, Филиппины **4**

Социальная наука и демократия: избирательная близость
Дипанкар Гупта, Индия **8**

> МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИСКУССИЯ О ЗАБОТЕ

Глобальный взгляд на труд заботы
Бригитте Ауленбахер, Австрия **11**

Рынок заботы в Австралии: попытка реконструкции
Майкл Файн, Австралия **13**

Долгосрочная забота: сравнивая Швецию и Японию
Хильдегард Теобальд, Германия, и Яей Сайто, Япония **15**

Меняющееся лицо заботы как формы занятости: Австрия и Германия
**Роланд Атцмюллер, Бригитте Ауленбахер, Альмут Бахингер
Фабьен Десье, Австрия и Биргит Риграф, Германия** **17**

Повседневная забота в прекарных условиях: Чили, Коста-Рика и Испания
**Моника Будовски, Себастьян Шиф, Швейцария
Дэниел Вера Рохас, Чили** **20**

Предоставление заботы в Южной Африке
Елена Мур и Джереми Сикингс, ЮАР **22**

> НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Социология во враждебной среде
Лаборатория Публичной Социологии, Россия **24**

Фотоэссе: социалистические идеалы в раннесоветской архитектуре
Наталья Трегубова и Валентин Стариков, Россия **26**

> РАЗВИТИЕ ЧЕШСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Временная миграция au air как обряд инициации
Зузана Секеракова Бурикова, Чехия **29**

Домашнее обучение: свобода и контроль в чешском образовании
Ирена Каспарова, Чехия **31**

Чтобы в Чехии помнили рабочих-цыган
Катерина Сидиропулу Янку, Чехия **33**

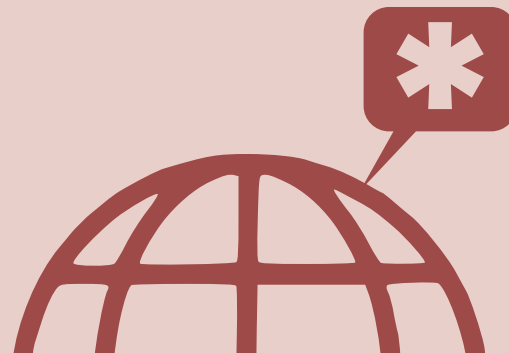
> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ

Полевые заметки: меняющийся ландшафт китайской трудовой политики
Лифень Лин, США **35**

Как создать программу по социальным наукам на мировом уровне
Эрджумент Челик, Германия **37**

Профессии в международной перспективе: открывая тему
**Элен Кульман, Швеция;Туба Агартан, США; Дебби Боннин, ЮАР;
Хавье Пабло Эрмо, Аргентина; Елена Ярская-Смирнова, Россия;
Моника Ленгауэр, Германия; Шон Ругтуан, ЮАР;
Вирендра П. Сингх, Индия** **39**

Спасибо, Начо!
Изабела Барлинска, Испания **41**

> Власть и принцип: заключения социолога в парламенте

Уолден Белло, почетный профессор Филиппинского Университета в Дилимане, депутат Парламента Филиппин в 2009-15 гг.

Уолден Белло – филиппинский социолог, завоевавший признание на международном уровне и как ученый, и как публичный интеллигент. Из-под его пера вышли известные книги по вопросам развития и политики, в том числе «Государство против развития» (Anti-Development State, 2004), «Войны из-за еды» (Food Wars, 2009), а также недавняя работа «Последний оплот капитализма? Деглобализация в эпоху жесткой экономии» (Capitalism's Last Stand? Deglobalization in the Age of Austerity, 2013). Помимо того, что он занимает должность профессора в Университете Филиппин, он руководил Институтом продовольственной политики и политики развития (Food First) с 1990 по 1994 год и был директором-основателем бангкокского института «Фокус на Глобальном Юге». Он регулярно пишет колонки в газетах по всему миру и неоднократно получал международные награды, в том числе стал лауреатом премии «За правильный образ жизни» (известной как «Альтернативная Нобелевская премия») и был награжден званием «Выдающегося публичного ученого» Ассоциации международных исследований. В данной статье он описывает опыт и дилеммы социолога в политике на основании своего опыта работы в качестве ключевого представителя филиппинской оппозиционной партии Акбаян в Палате представителей Филиппин. Профессор Белло выступал в качестве пленарного спикера на Всемирной конференции МСА в Иокогаме в июле 2014 года. Полная версия статьи доступна в журнале Global Express¹.

В течение всей жизни я был социологом и активистом. В 1975 году, получив диплом PhD Принстонского Университета, я с головой окунулся в активизм, сначала с целью свергнуть диктатуру Маркоса на Филиппинах в качестве члена международного крыла подпольного Национального демократического фронта, а затем в качестве яркого борца против насаждаемой корпорациями глобализации. С 1994 по 2009 год я преподавал социологию в Университете Филиппин в Дилимане; в 2009 году я вошел в Палату представителей Филиппин от политической партии, ориентированной на идеи прогресса.

Моя партия, «Акбаян», выстраивала прогрессивную идентичность с 1998 по 2009 год, демонстрируя свою непримиримость и настойчивость в достижении поставленных целей, постоянно выдвигая законопроекты прогрессивной направленности, в том числе в области репродуктивного здоровья, аграрных реформ, ликвидации дискриминации в отношении ЛГБТ-сообщества, наделении правом заочного голосования филиппинцев, проживающих за рубежом, содействия безопасности рабочих, и предоставления социального жилья для городской бедноты.

В 2009 году партия обсуждала, поддерживать ли кандидата от Либеральной партии (ЛП) на президентских выборах 2010 года - вопрос в сущности заключался в том, можно ли полагаться на этого кандидата в вопросе проведения интересующих партию реформ. В то время как либеральный кандидат, вероятно, не стал бы способствовать перераспределению богатства, партиципаторной демократии или защите национального суверенитета, большинство сторонников партии «Акбаян» были уверены, что либералы поддержат реформу управления и борьбу с коррупцией, учитывая негативное воздействие коррупции на нашу демократию.

Но в то время как повестка дня по борьбе с коррупцией была решающей, мы также ожидали, что кандидат от либеральной партии будет поддерживать и другие пункты нашей программы, в частности, в сфере репродуктивного здоровья и аграрной реформы. К 2010 году вопрос о репродуктивном здоровье переместился в центр дебатов в Конгрессе, в то время как недавно принятый закон об аграрной реформе - опять же, один из приоритетных для моей партии - дождался внедрения. Кроме того, мы ожидали, что сможем продвинуть и другие ключевые темы, в том числе вопросы независимой внешней политики, отмены акта автоматических ассигнований, который отдает приоритет обслуживанию внешнего и внутреннего долга; и устранение неолиберальных мер в торговле, финансах, и инвестициях.

Либеральный кандидат Бенигно Акино III (сын бывшего знаменитого президента страны Корасон Акино и убитого Бенигно Акино-младшего) был избран президентом в 2010 году. В течение последующих пяти лет, будучи ключевым представителем партии «Акбаян» в парламенте, я лицом к лицу столкнулся со всем спектром возможностей

и ограничений, выпадающих на долю прогрессивной партии, участвующей в коалиции, доминируемой либералами и традиционными политиками.

> Победа на культурном фронте

Филиппинские прогрессисты долго стремились к внедрению поддерживаемой правительством программы планирования семьи, для решения таких проблем как бедность и репродуктивное здоровье женщин. К 2010 году, когда к власти пришла новая администрация, Акбаян и другие прогрессивные партии держали законопроект о репродуктивном здравоохранении на повестке дня в течение двенадцати лет. Несмотря на жесткое сопротивление со стороны могущественной Римской католической церкви, прогрессисты построили мультиклассовый союз, переформулировав вопрос с точки зрения репродуктивного здоровья и прав женщин. Это был выигрышный аргумент, мастерски развернутый не только на рациональном, но и на символическом уровне. Последнее достигалось путем стратегического распространения образов мужчин от духовенства и преимущественно мужского Конгресса, контролирующего выбор женщин. К 2012 году наши действия способствовали политическому размежеванию консервативного идеологического института и части правящей элиты, с одной стороны, и среднего класса, с другой. Законопроект был принят.

> Аграрная реформа: жесткие классовые реалии

Аграрная реформа, однако, иллюстрирует трудности коалиционной политики, особенно относительно вопросов, затрагивающих классовые интересы. Хотя усилия по проведению земельной реформы на Филиппинах уходят корнями в начало 1960-х годов, глубочайшее неравенство до сих пор не изжито. В 1970-х программа земельной реформы диктатуры Маркоса столкнулась с сопротивлением помещиков и была заморожена. После свержения Маркоса в 1986 году администрация президента Корасон Акино запустила амбициозный проект по перераспределению 10,3 млн га земли, частично в качестве ответа на протестные акции в сельской местности под предводительством Новой Народной Армии. Тем не менее, Конгресс, напшигованный помещиками, принял закон с обилием лазеек, успешно ограничив попытки перераспределения земли - оставляя наиболее плодородную землю в частной собственности землевладельцев.

В первый год моей работы в Конгрессе «Акбаян» вместе с коллегами успешно продвинул новый закон об аграрной реформе (CARPER), обеспечивший гражданам достаточные средства для приобретения земли и залатавший юридические лазейки. Законопроект был принят, потому что число крупных помещиков в Конгрессе значительно уменьшилось, а народное движение за аграрную справедливость возродилось под воздействием протест-

>>

ного марша крестьян, прошедших маршем 1 700 километров с острова Минданао к президентскому дворцу.

Тем не менее, даже когда принимается важный и сильный закон, для его реализации необходима политическая воля. С момента принятия закона из-за президентского пренебрежения и нежелания противостоять помещикам остались нетронутыми около 700000 га земли, подпадающей под закон. В основном это частные участки, многие из которых можно отнести к лучшим землям страны. Аграрная реформа застопорилась и была загнана в угол помещичьим сопротивлением, президентской леностью и бюрократической робостью. Отказ реформистского президента уволить трусливого и некомпетентного чиновника, ответственного за земельную реформу, наряду с небрежным отношением президента к этой реформе, был одним из факторов, обусловивших мою добровольную отставку в марте 2015.

> Разгром «эффективного управления»

Позвольте мне, наконец, обратиться к опыту моей партии в пропаганде эффективного управления. Обещание, что администрация Либеральной партии серьезно отнесется к борьбе с коррупцией, являлось главной причиной, по которой партия «Акбаян» присоединилась к реформистской коалиции в 2010 году. Пять лет спустя именно этот вопрос побудил меня сложить с себя полномочия.

Первые годы работы администрации Акино были отмечены началом кампании за эффективное управление. Как основной представитель «Акбаян» в Конгрессе, я стал активно бороться за проведение этой реформы, в том числе стремясь призвать к ответу бывшего президента Глорию Макапагал Арройо за коррупционные действия. Выборы мая 2013 года многие, в том числе и я, интерпретировали как вотум доверия Либеральным властям.

Но медовый месяц длился недолго. В филиппинской политической системе действует такой институт как «свиная бочка», или «Фонд содействия приоритетному развитию» (Priority Development Assistance Fund, PDAF), доставшийся в наследство от колониального режима США. Из этого Фонда президент выделяет определенную сумму каждому члену Конгресса для реализации проектов в его округе. Вскоре мы узнали, что опытный политический комбинатор Джанет Лим-Наполес создала подставные организации, через которые законодатели могли присваивать средства Фонда, предназначенные для проведения проектов в области развития и социальных услуг. При этом Наполес взимала процент с «доходов» депутатов, «заработанных» по ее схеме. «Афера Наполес» спровоцировала в обществе волну протеста. Со всех сторон начали звучать призывы к ликвидации Фонда PDAF. Я был уверен, что моя партия должна продемонстрировать верность своим принципам, присоединиться к призыву отменить PDAF и отказаться от сумм, выделяемых партии Президентом - но, к моему ужасу, мое предложение было подвергнуто резкой критике во время встречи членов совета партии.

Вскоре разразился очередной скандал, на этот раз вокруг мультимиллиардного секретного коррупционного президентского фонда под названием Программа ускорения выплат. Оказалось, что администрация занималась тем же самым мошенничеством, в котором обвиняла своих предшественников, устраивая махинации с государственными средствами. Когда Верховный суд постановил, что программа является неконституционной, пришло самое время, подумал я, чтобы президент приступил к решительным действиям.

Когда я призвал свою партию потребовать у президента отставки ответственных должностных лиц, некоторые однопартийцы не согласились, заявив, что это лишь заставит президента упорствовать с новой силой. Такой фаталистический ответ показался мне недостойным прогрессивной партии. Не добившись равным счетом никаких результатов в переговорах с партийным руководством, я написал президенту напрямую, выражая таким образом свою собственную гражданскую позицию. Я написал, что Президент должен уволить министра финансов за «непрозрачные и безответственные манипуляции с бюджетными средствами». Именно программа, писал я, создала «тот тип президентского покровительства, который нарушает принцип разделения властей, закрепленный в Конституции», наделяя исполнительную власть прямым финансовым влиянием на членов парламента.

Мое письмо привело к трениям с руководством партии «Акбаян»: большинство членов партийного Совета считало, что я не имел права писать Президенту от своего имени. Мне сказали, что статус наиболее публичного представителя партии препятствует выражению моих личных взглядов.

По мере того как продолжались наши внутренние партийные дебаты, администрация пережила второе фиаско: 25 января 2015 года, в результате плохо проведенной анти-террористической миссии в Минданао погибли 44 сотрудника спецназа национальной полиции - вместе с восемнадцатью боевиками из числа сепаратистов Исламского фронта освобождения Моро, с которым правительство на тот момент вело переговоры о предварительном соглашении об автономии.

«Мамасапано рейд» стал примером плохого управления сразу по трем параметрам. Во-первых, Президент отказался взять на себя ответственность за операцию, которую сам организовал, тем самым нарушив основной принцип президентского правления. Во-вторых, он незаконно передал управление операцией своему закадычному приятелю в руководстве национальной полиции, отстраненному от должности Омбудсменом страны по обвинению в коррупции. В-третьих, он организовал операцию, соответствующую американским, а вовсе не филиппинским приоритетам - зная, что неудача подорвет решающие мирные переговоры. Во имя эффективного управления я потребовал, чтобы Президент нес полную

>>

ответственность за фиаско и предоставил исчерпывающую информацию о рейде, особенно о роли, сыгранной Соединенными Штатами в этих событиях.

По мере того как в администрации все ярче разгорался кризис власти, я попросил свою партию начать активно требовать реформ. С моральной точки зрения Президент находился в ослабленной позиции, и потому нам следовало надавить на него и заставить принять на себя ответственность за трагический рейд и уволить коррумпированных, неумелых и неосторожных чиновников, возродив угасшую программу эффективного управления. Руководство партии отказалось от этой идеи.

Так как я не мог поддерживать Президента, отказавшегося брать на себя ответственность за трагедию и продолжавшего покрывать своих коррумпированных и непрофессиональных поделщиков, мой уход в отставку с поста представителя Акбауап в Палате представителей стал совершенно неизбежным. Я был убежден, что руководство партии совершило ошибку и осознал, что в таком случае я больше не могу быть ее представителем в парламенте страны. Никто не просил меня уйти в отставку, но поведение однопартийцев говорило само за себя: я ушел в отставку 19 марта 2015.

> Основные уроки

В этом небольшом эссе я постарался описать уроки, которые я извлек из опыта продвижения трех реформ: в сфере репродуктивных прав, аграрной реформы и реформы госуправления.

Борьба за изменения в сфере репродуктивных прав иллюстрирует, каким образом вопросы культуры становятся ареной, на которой продвигается прогрессивная повестка дня при условии умелого выстраивания альянсов и использования резонирующих дискурсивных стратегий. В борьбе за планирование семьи, реформаторам удалось создать раскол в верхних и средних классах, заменив нарратив об ограничении рождаемости дискурсом о репродуктивных правах женщин, создавая пространство для принятия закона, несмотря на фанатичную оппозицию.

Опыт аграрной реформы напоминает нам, как трудно добиться своего, даже нанося прямые удары по структурам неравенства в нереволюционном политическом климате. Хотя прогрессивным силам удалось создать мощную законодательную базу, структуры аграрного неравенства не удается разрушить из-за сочетания таких факторов как президентское безразличие, бюрократическая робость и сопротивление землевладельцев. Третий пример, борьба за эффективное гос. управление, преподнесла сразу несколько уроков, полученных ценой неизбежных болезненных личных и политических потерь. Первый урок заключается в том, что политические коалиции динамичны, то есть альянс в поддержку реформ может превратиться в нечто иное. Второй урок - в том, что прогрессивные партии должны постоянно оценивать и переоценивать свое участие в любой сложившейся коалиции. Любая сторона преследует определенные интересы - в том числе получение административных постов или усиление влияния внутри коалиции, - но время от времени, эти интересы могут вступать в конфликт с фундаментальными ценностями. В такие критические моменты, левая партия должна оставаться верной своим программным ценностям, если, конечно, она хочет сохранить свое лицо.

Третий урок: в отдельных случаях, между партиями и их представителями в парламенте могут возникать серьезные разногласия. В таких случаях прогрессисты должны прислушиваться к своей совести, даже если это повлечет за собой выступление против руководства своей партии. Быть прогрессивным значит представлять себе общество, организованное в соответствии с принципами равенства, справедливости, солидарности и суверенитета - и иметь политическую программу для реализации этого видения. Но это также означает следование этическим, нравственным принципам. Возможно, отличительной чертой истинных прогрессистов, занимающих государственные должности, является их этическое поведение. Для меня быть прогрессивным в коридорах власти означает, прежде всего, следование своим принципам и ценностям, даже если это приводит к потере должности, имущества или жизни. ■

Корреспонденцию направляйте Уолдену Белло waldenbello@yahoo.com

¹ <http://isa-global-dialogue.net/power-and-principle-the-vicissitudes-of-a-sociologist-in-parliament-july-4-2015/>

> Социальные науки и демократия: избирательная близость

Дипанкар Гупта, Университет Шив Надар, Нью-Дели, Индия¹

Дипанкар Гупта.

Вы никогда не задумывались над тем, почему социальные науки, в том числе философия, процветают только в демократических обществах? Некоторые из самых богатых стран мира – Саудовская Аравия, Китай и Россия, например, – добились больших успехов в естественных науках, но общественные пребывают там в плачевном состоянии. Китай и Россия могут похвастаться достижениями в электронике, физике, медицине, транспорте, но только заговорите о социологии, политологии, экономике, даже истории – и вы обнаружите досадный контраст. Неужели только в демократических странах происходит активное развитие социальных наук? И если так, то почему?

Некоторые утверждают, что очевидная близость демократии и социальных наук представляет собой не что иное, как продукт вполне определенной западной культуры. Возможно, социальные науки лишь кажутся нам культурно нейтральными, в то время как на самом деле они служат европейским или американским интересам? Многие западные критики социальных наук призывают к разработке

Дипанкар Гупта – выдающийся индийский социолог и ведущий публичный интеллектуал. Он является профессором и директором Центра исследований критической теории в Университете Шив Надар в Нью-Дели. В течение почти трех десятилетий он преподавал социологию в Университете Джавахарлала Неру. Автор и редактор восемнадцати книг, которые затрагивают огромное количество вопросов, связанных с постколониальной трансформацией Индии. В своей последней книге «Революция сверху: будущее Индии и гражданская элита» (Revolution from Above: India's Future and the Citizen Elite) Гупта утверждает, что демократия развивается благодаря вмешательству представителей высших слоев общества. Он является постоянным обозревателем газеты The Times of India и The Hindu и старается воздействовать на государственную политику, работая в различных госучреждениях, в том числе в директоратах Резервного банка Индии и Национального банка по сельскому хозяйству и развитию сельских районов. Он был приглашенным профессором в Торонто, Париже, Лондоне, а также старшим научным сотрудником в различных университетах США. В 2010 году проф. Гупта был награжден Орденом литературы и искусств французского правительства. Более полную версию этой статьи можно найти на Global Express².

местных категорий в качестве компенсации, которая также разоблачает универсалистские претензии социальных наук. Но этот подход оставляет без внимания то обстоятельство, что даже в Европе и Америке социальные науки получили развитие совсем недавно. Когда-то даже эти системы знаний были в новинку в этих частях света и не опирались в своих аналитических экскурсах ни на опыт средневековой Европы, ни даже на опыт Европы позднего Средневековья.

До демократии, контекст для развития социальными науками в принципе не существовал. Не были доступны и многие виды данных, являющихся сейчас основными элементами в современной социологии, политологии и экономики. Общественные науки возникли, когда появился новый контекст, и, когда новый набор фактов стал актуальным – в результате двойного рывка, давшего резкий толчок развитию социальных наук.

>>

До тех пор, пока знание опиралось на верования, предоставляемых «сверху» церковью или государством, секулярное отношение к социальной реальности считалось недопустимым и дожидалось своего часа, когда человек сможет сказать: «Прежде, чем я поверю, докажите!». Секуляризм является ключевым компонентом социальных наук, потому что мы изучаем людей в действии. Жизни не остаются неизменными, потому что контексты различаются во всем мире и на протяжении всей человеческой истории. У естественных наук больше возможностей для маневра: вода всегда утоляет жажду, радуга раскидывается на небе, огонь приносит дым и свет. Ни для одного из них не требуется демократия, ни одно не изменилось с момента возникновения. Социальные науки – совсем другое дело.

Для социальных наук релевантно и даже важно формулировать наблюдения с пониманием того, что то, что делают другие, не просто влияет на самость, а определяет ее. Этот аспект, столь важный сегодня, не считался значимым прежде. В прежние времена сообщества, группы, солидарности, племена, касты и близкие родственники жили в рамках своих границ, но у нас не было общества. Широкие, регулярные взаимодействия с нарушением примордиальных границ – предмет социального исследования – возникли в человеческой истории лишь недавно. С приходом общества более невозможно замыкаться в рамках существующих социальных групп группами: осознание существования “другого” становится ключевым даже для конституции индивидуальной самости.

При демократии осознание присутствия другого приобретает ключевое значение. Политика или экономические инициативы должны учитывать многочисленные интересы, даже интересы наименее привилегированных социальных слоев. Британский Закон о бедных 1834 года, например, стал важным шагом в становлении демократии. С его принятием рабочие получили возможность свободно перемещаться в поисках работы, а не оставаться в бедных домах церковной деревенской общины, обрекая себя на нищету.

Демократия обнажила новый важный факт. Начиная с момента ее создания мы стали воспринимать людей как рациональных целеустремленных акторов, способных свободно выбирать свой путь. Благодаря возможности выбора мы неизбежно будем совершать ошибки – не такая уж и ужасная расплата, ведь только тот, кто не боится ошибок, способен к созданию чего-то нового.

Что из этого следует? Когда отдельные ошибки не приводят к наказанию, открываются возможности для улучшения и инноваций. Если законы демократии не нарушаются, ошибки, не нарушающие ее границ, только приветствуются. Демократия предполагает множественность маршрутов: это и разнообразие в формах воспитания детей и организации семейной жизни, и возможности выбора работы, профессии, друзей. В прошлом этих возможностей выбора просто не существовало; но в условиях демократии, даже те, кому трудно порвать с традиционными предрассудками вынуждены сдерживать вековые инстинкты.

Именно этот лес проб и ошибок составляет эмпирический материал социальных наук. Допущение ошибки – неудача с личной точки зрения, но для социальных наук ошибки фундаментальны, и именно они дают социологам

данные и лежат в основе их концепции. Демократия – необходимое условие для возникновения социальных наук, ибо только в таких политических условиях принятие чужих ошибок становится обычным опытом.

Представьте себе, что вы экономист в додемократическом обществе. Для всех практических целей, рынок был известен, и покупатели и продавцы товаров и услуг были предварительно фиксированы и известны с самого начала. Средневековые «карханы» (мастерские) производили продукцию для определенной категории покупателей; здесь были необходимы определенные навыки, но не предприятие. Невозможно было совершить «экономическую» ошибку; риски не возникали, так как купля и продажа были определены в соответствии с обычаем или схемами покровительства. Когда земля не являлась легко отчуждаемой, а рабочая сила не могла свободно передвигаться, статус человека был определен изначально. Поэтому экономике как научной дисциплине не было места в додемократических временах. Не было никакой «невидимой руки», никакого дисбаланса рынка, никаких ошибок суждения, которые привели бы к экономическим колебаниям и банкротству.

В условиях, когда взаимодействуют многочисленные интересы, однако, в конечном счете, демократия должна действовать с осторожностью и тактом. Когда работает невидимая рука рынка, необходима иногда вполне видимая рука государства, которая может обеспечить социальное равновесие. Если правительство поддерживает интересы того или иного класса, поврежденной экономике требуется гораздо больше времени для восстановления – такая модель, которая показывает, как важны для демократии осознание другого, общности интересов и приемлемости ошибок.

Экономике как дисциплине было бы не на что опереться, если бы не ключевой демократический принцип: признание того, что люди совершают ошибки. Пришло ли время для снижения налогов? Следует ли зафиксировать обменный курс на определенном уровне? В тоталитарных экономиках область таких вопросов строго ограничена, потому что решения принимаются сверху. В демократических обществах мы можем настаивать на том, чтобы нам доказали уместность того или иного решения.

Аналогичным образом политическая наука подчеркивает свою зависимость от демократии, проводя различие между властью и авторитетом. В прошлом правители обладали властью, но не авторитетом. Последний приобретается только в условиях свободно реализуемого народного мандата. При демократии принято считаться с окружающими с окружающими. Демократия позволяет множеству интересов сосуществовать в одном обществе; противоборствующие мнения и цели должны быть озвучены в рамках свободных и справедливых выборов. Вне зависимости от того, в чьих руках находятся власть и авторитет, власть имущие утверждают, что они действуют не во имя Бога или Короля, а во имя Народа. Для того чтобы преуспеть, любой стремящийся к власти человек должен сбалансировать противоречивые интересы – земледельцев, промышленных рабочих, класса белых воротничков и так далее. Во всех этих фракциях есть и суб-фракции, заставляющие политических деятелей обратить внимание на «других».

>>

Для политической науки важно, что система позволяет людям совершать и исправлять ошибки – всегда в рамках определенных правил. Допустите ошибку, и вы потеряете власть. В условиях демократии, те, кто находится у власти, не могут принимать свое политическое возвышение как должное: избиратели могут изменить свое мнение, что даже поощряется. Без демократии нет ни выбора, ни выборов.

А что можно сказать по поводу связи демократии и социологии, дисциплины, основной целью которой является преломление явлений через классы, категории, гендерные и профессиональные группы? Социальные институты (такие как брак, например) рассматриваются как реальные практики, или с помощью различных линз, позволяющих исследовать влияние касты, класса, религии, рода занятий – и этот стиль мышления также начинается с признания «других».

Спротивляясь популярным представлениям о социальной реальности, или, более конкретно, эссенциализму, социология сознательно углубляется в сравнительную методологию, исследуя исторические и пространственные вариации различных практик, заставляя ученого культивировать в себе беспристрастность и критический подход. С помощью сравнительного подхода мы изучаем общие черты социального явления, будь то религия, брак или социальное предпочтение, – а также стараемся понять различия, выяснить, как социальные факты могут проявляться в зависимости от ситуации.

Таким образом, связь социологии с демократией легко понять: она заключается в принятии «других», принятии контекста. Таким образом эта дисциплина определяет себя, ориентируясь на то, как люди взаимодействуют в пределах культурных и экономических границ и при их пересечении. Именно это атрибут преднамеренного преломления видения позволяет социологии быть пионером сразу в нескольких областях, в частности, в изучении социальной мобильности.

Где же свобода, необходимая для постановки таких вопросов, вне демократического контекста? Без свободы, которую нам предоставляет демократия, любой запрос подобного рода был бы обозначен как подрывной. Демократия, напротив, живет благодаря таким вопросам. Все претенденты на власть являются конкурентами, и озвучиваемые вопросы позволяют им понять, как лучше представлять различные группы интересов.

Социология может показаться активистской или движимой непосредственными интересами лиц, определяющих политику. Это неправильное понимание дисциплины. Но все же верна мысль о том, что политики-демократы могут получить определенную выгоду от социологии: если они хотят получить полную картину некой проблемы, они могут обратиться именно к социологии.

Тем не менее, когда социологи идут на поводу активистов, последние могут манипулировать данными в угоду своих ненаучных интересов. Социология лучше всего подходит для того, чтобы задаться вопросом о направлении изменений в рамках целостного подхода. Зачастую она порождает горячие споры, не позволяющие рассмотреть более широкую картину. Но социология также может помочь в построении путей к более инклюзивному обществу – способствуя более широкому участию, и культивируя терпимость по отношению к различиям и ошибкам. В самом центре социологии – основополагающее положение, гласящее, что люди совершают ошибки, но они же пытаются исправить их, преследуя цели с помощью средств, не определенных заранее.

Аналогичные рассуждения справедливы для истории и философии. История, собственно говоря, одержима настоящим; мы смотрим на прошлое с позиций нашей скоротечной жизни. В условиях демократии изучение прошлого позволяет принять его недостатки и одновременно понять, каким образом давние эпохи влияют на настоящее. Без этого, история остается бесцветной хроникой или красочной агиографией – в обоих случаях бесполезной с академической точки зрения.

Аналогичным образом философия изменилась с появлением демократии. «Я», которое, в западной философии от Декарта до Канта, рассматривалось в изоляции, было вынуждено освободить место для «другого». Это преобразование не следует считать адаптивным, скорее оно является основополагающим, потому что философия сегодня четко признает, что «Я» не существует без «другого». Если демократия означает заботу о «других» и позволяет ошибаться, мы действительно ведем речь о «гражданстве» – этике с большой буквы, краеугольном камне демократического права и управления. Демократические конституции и уголовные кодексы базируются на принятии «других» как этических агентов, онтологически похожих на нас самих, дополняющих наше бытие.

Когда «другой» становится настолько значимым, и когда принятие «ошибок» становится нормой, мы действительно начинаем мыслить в категориях гражданства; социальные ученые пытаются укрепить гражданство, потому что тем самым они могут укрепить свои дисциплины. О силе демократии можно судить по силе и глубине ее социальных наук. Свобода выбора, открытость «ошибкам» и осознание того, что другие воздействуют на твою самость – это условия, доступные только для граждан в демократических странах. Следовательно, социальные науки не могут быть охарактеризованы как сугубо западные или европоцентристские. Если их нужно как-то охарактеризовать, справедливее всего можно сказать, что они должны рассматриваться как граждански-ориентированные дисциплины. ■

Корреспонденцию направлять Дипанкару Гупта <dipankargupta@hotmail.com>

¹ Я благодарен профессору Андре Бетею и профессору Дипаку Мехре за комментарии.

² <http://isa-global-dialogue.net/social-science-and-democracy-an-elective-affinity/>

> Глобальный взгляд на труд заботы

Бригитте Ауленбахер, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Австрия, член ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК02), бедности, социального благополучия и социальной политики (ИК19), социологии работы (ИК30), женщины и общество (ИК32), вице-президент Локального организационного комитета Третьего социологического форума МСА (Вена, 2016 г.)

Иллюстрация Арбу.

Возможно, так сложилось потому, что забота часто является невидимой в так называемой приватной сфере и обесценена в публичной сфере, особенно в рамках гендерного и этнического разделения труда.

Вот уже несколько лет наблюдается рост социологического интереса к заботе и труду заботы. Тема быстро поднимается в топ исследовательской повестки дня, и социологи все больше сил отдают на изучение социальных различий и видов неравенства, связанных с заботой, а также постоянных ситуаций нехватки заботы.

> Кризисы заботы и глобальная нехватка заботы

В социологии стран Глобального Севера с высоким и средним уровнем дохода новый интерес к проблематике заботы является реакцией на процессы, начавшиеся в 1980-х и 1990-х гг. Внедрение новых моделей государственного управления в странах ОЭСР, коммодификация заботы, отклик исследователей на постоянный дефицит заботы в повседневной жизни – все это актуализирует тематику.

С одной стороны, развиваются новые «индустрии заботы», и частные домохозяйства все чаще принимают на работу трудовых мигрантов с

Забота и работа по уходу, забота о себе и о других, ежедневная и на протяжении всей жизни, забота со стороны семьи, родственников и профессионалов, работающих на коммерческой основе, представителей государственных социальных

служб, волонтеров общественных организаций – все эти виды деятельности имеют первостепенное значение как для отдельных индивидов, так и для социальной сплоченности в целом. Однако, несмотря на длительную традицию исследований заботы, этот вопрос маргинализован.

Глобального Юга и Востока. С другой стороны, в связи с отступлением государства благосостояния в Южной, Восточной и Западной Европе, государственная экономия, последовавшая за кризисом 2008 года, порождает новые кризисы заботы. Эти кризисы часто остаются без внимания, так как забота и работа по уходу всегда были второстепенными и умалчиваемыми вопросами, относящимися к сфере социального воспроизводства.

Однако в странах Глобального Юга со средним уровнем дохода забота и работа по уходу получила развитие в качестве услуги публичного сектора, предоставляемой бедным, детям, пожилым людям и инвалидам, и эта услуга постепенно распространяется на другие слои населения. Это связано с тем, что экономический рост в странах Глобального Юга в течение последних десяти лет сопровождался появлением новых социальных программ и социальной ориентированностью государства.

Современные социологические исследования заботы и работы по уходу отражают эти факты, и следующие несколько статей данного номера «Глобального диалога» предлагают осмысление режимов заботы в нескольких странах Глобального Севера и Юга.

> Режимы заботы на Глобальном Севере и Юге

В статьях этого номера ГД сравниваются различные режимы заботы в ряде стран. Особое внимание авторы уделяют взаимодействиям между (частными) домохозяйствами, семьей и родственниками, гражданским обществом, государствами и рынками. Четыре статьи представ-

ляют четыре ключевых взгляда на современные режимы заботы. Во-первых, все они демонстрируют общую тенденцию маркетизации. Во-вторых, они описывают сложные взаимодействия между коммодификацией и декоммодификацией заботы. В-третьих, они показывают, что коммодификация заботы не только влияет на организацию труда заботы, но и ставит вопросы о том, кто предоставляет заботу и кто ее получает. Наконец, эти статьи доказывают важность изучения локальных, национальных и транс- и интернациональных контекстов для понимания важных тенденций в сфере заботы и труда заботы.

Майкл Д. Файн в своей статье описывает трансформацию режима заботы в Австралии под влиянием маркетизации и социальной политики государства. Содержание условия труда работников индустрии заботы, как и восприятие получателя заботы в качестве клиента, претерпевают фундаментальные изменения и колеблются между трендами профессионализации и депрофессионализации. Хильдегард Теобальд и Яёи Саито, анализируя режимы заботы в Швеции и Японии соответственно, демонстрируют, как национальная политика изменяет и адаптирует идеи заботы, и рассказывают, как эти процесс соотносятся с разделением труда в сфере заботы. Несмотря на расхождения между этими двумя режимами заботы, сфере профессионального долговременного ухода в обеих странах угрожает политика, ограничивающая возможности предоставления заботы как государственной услуги.

Роланд Атцмюллер, Бригитте Ауленбахер, Альмут Бахингер, Фабинн Десье и Биргит Риграф пред-

ставляют результаты исследований режимов заботы в Австрии и Германии – странах, которые проделали путь от государства благосостояния к государству инвестиций. Ученые описывают организацию заботы в этих странах как спорную территорию и рассказывают о работе мигрантов в сфере домохозяйства и профессионального ухода, о социальных протестах и альтернативных концепциях заботы. Моника Будовски, Себастиан Шиф и Даниэль Вера представляют сравнительное исследование режимов заботы в Чили, Коста-Рике и Испании. В их статьях продемонстрировано, как договоренности по уходу за детьми и гендерное разделение труда в экономически нестабильных домохозяйствах становятся следствием ориентации государств благосостояния на рынок, семью или государство как основного поставщика заботы. Елена Мур и Джереми Сикингс реконструируют историю социальной политики ЮАР, делая акцент на переходе от апартеида к пост-апартеидному режиму. Государство борется с такими проблемами, как СПИД и сиротство, в фокусе его внимания – пожилые люди и дети. Государство является основным поставщиком заботы, однако семья, родственники и (с недавних пор) рынок – тоже важные компоненты современного режима заботы ЮАР. В целом, в статьях показано разнообразие контекстов и последствия все возрастающей коммодификации заботы в самых разных странах.¹ ■

Корреспонденцию направлять Бригитте Ауленбахер brigitte.aulenbacher@jku.at

¹ For these and further insights on care and care work from around the world see the special issue: *Soziale Welt* (Sonderband 20), "Sorge: Arbeit, Verhältnisse, Regime" [Care: Work, Relations, Regimes], 2014 (edited by Brigitte Aulenbacher, Birgit Riegraf, and Hildegarde Theobald).

> Рынок заботы в Австралии: попытка реконструкции

Майкл Файн, Университет Маккуори, Сидней, Австралия, член Исследовательского комитета МСА по социологии старения (ИК 11).

Наряду с развитым некоммерческим сектором, в Австралии существует бизнес в области заботы, где эти услуги являются предметом покупки и продажи.

ется. Пользователи услуг превращаются в «потребителей», от которых требуется оплата услуг из своего кармана всегда, когда это требуется.

> **Забота: выносим социологический диагноз**

Мы знаем, что забота является неотъемлемой потребностью человека в течение всей его жизни. Однако понимание заботы остается дисциплинарным «слепым пятном». Даже самый поверхностный международный или кросс-культурный анализ показывает, что организация заботы позволяет сделать выводы о внутреннем устройстве общества. Анализ заботы, таким образом, предоставляет нам важнейший инструмент социальной диагностики, способ понять социальные отношения наиболее уязвимых членов общества, а также социальные структуры и системы власти.

Хотя традиционно от женщин ожидается предоставление неоплачиваемой заботы в рамках семьи, важность заботы за пределами семьи возрастала в течение всего 20го века. По мере того, как растет уровень занятости женщин вне дома, растет и спрос на заботу вне семьи. Правительство Австралии и других стран были вынуждены ответить на эти вызовы предоставлением доступа к формальной оплачиваемой заботе.

¹ букв. «Вальсируя с Матильдой», т.е. (перен.) бродяжничать, скитаться, носить за собой пожитки

² Past wearin' or carin', Past feelin' and despairin'; And now I only wish to be Beyond all signs of carin'.

(www.youtube.com/watch?v=q9pqht2Ph04)

Walzing Matilda¹ - обманчиво веселая австралийская песенка о бездомном австралийском разнорабочем, таскающем за собой весь свой скромный скарб (то есть «вальсирующем с Матильдой») в путешествиях по малонаселенным районам страны в поисках заработка. Известная и за пределами Австралии песенка описывает типичный образ жизни социального слоя, сложившийся в условиях промышленного разведения овец, ведущей отрасли австралийской экономики конца 19 века. Другая прекрасная австралийская народная песня того же периода, Past Carin' («Уже безразлично»), с легкостью могла бы стать символом нынешней эпохи. Система предоставления заботы реструктурируется, все больше переходя во власть рынка. В результате изменения затрагивают и тех, кто нуждается в ежедневной постоянно помощи и

заботе. То есть, в соответствии со строками стихотворения Генри Лоусона (то есть по тексту одноименной песни):

*Уже все равно и безразлично,
Не чувствую ничего
и не испытываю отчаяния,
И теперь я хочу
Не показывать, что мне
хотя бы чуть-чуть не все равно²*

Австралийское правительство год за годом – как либерально-национальное, так и лейбористское – пытается заручиться общественной поддержкой, заявляя о расширении и развитии программ социальной заботы. Но в нашу эру неолиберализма и жесткой фискальной экономики власти всегда исходят из нового стандарта экономического роста, в рамках которого государственные и некоммерческие услуги ограничены, а рост рыночных услуг поощря-

Несмотря на непростые экономические условия, Австралия значительно расширяет официальные программы предоставления заботы. Этот переход сопровождается значительными изменениями в организации, финансировании и предоставлении заботы. Эти изменения охватывают ряд относительно специализированных сфер – от политики поддержки детства до поддержки лиц с ограниченными возможностями и пожилых людей. Хотя каждому сектору заботы свойственны свои особые черты, эти особенности не затмевают широкомасштабную трансформацию и общие тенденции, проявляющиеся в коллективных действиях общественных движений, и в ответной реакции государства и рынка.

> Реформы заботы о пожилых и лицах с ограниченными возможностями

Изменения в заботе о пожилых в Австралии формируются под влиянием стремления к удовлетворению нужд пожилого населения и к снижению государственных затрат. Они основаны на 50-летнем опыте расширения и реформирования системы заботы о пожилых, но также нацелены на фундаментальную трансформацию ключевых элементов системы, что подразумевает повышение цен для пользователей услуг разнообразных типов и уровней. Правительства все чаще опираются на рыночные принципы и механизмы и приглашают коммерческих поставщиков услуг к участию в предоставлении заботы.

В отличие от старой программы, новая «Программа домашней поддержки» практически полностью государственная и централизованная, с минимальными различиями между штатами. Результатом австралийских реформ заботы о лицах с ограниченными возможностями стала государственная программа, разработанная в расчете на растущее число лиц с ограниченными возможностями, нуждающимися в заботе, а также в качестве ответ на беспокойство о неравномерном и не соответствующем реальным потребностям услугам, предлагаемым населению в соответствии с законодательством некоторых штатов.

Как и в реформированной программе заботы о пожилых, индивидуализированные выплаты, также известные как «потребительски ориентированный подход к заботе», предоставляют получателям услуг возможность контролировать расход личных средств на приобретение услуг. Эта реформа особенно привлекательна для людей с ограниченными возможностями и родителей, заботящихся о взрослых детях с ограниченными интеллектуальными возможностями, все еще нуждающихся в родительском уходе (которые обычно осуществляют пожилые родители, в основном матери).

В рамках обеих программ предполагается, что замена бесплатных услуг прямыми наличными выплатами будет способствовать развитию рынка коммерческих услуг. Она также будет содействовать распространению временной занятости (что в лучшую сторону повлияет на условия труда работников в государственных и коммерческих центрах предоставления услуг).

> Работа о детях

Австралия – наверное, первая из англоязычных стран, в которой была разработана государственная программа заботы о ребенке, действовавшая в 70е-80е годы. Изначально все поставщики услуг были некоммерческими, однако в 90е гг. появились и коммерческие центры. Система финансирования, т.е. ограниченная форма субсидий для малоимущих граждан (предоставляемых в зависимости от степени нуждаемости), не смогла справиться с ростом цен, в результате чего многим семьям не удалось воспользоваться услугами по заботе о детях. Реформы, проводимые нынешним правительством, возглавляемым либералами, перераспределят существующие средства и увеличат обеспеченность, однако также создадут тесную связь субсидий с материнской занятостью.

Каждая из вышеописанных программ заменяет семейную заботу платными формализованными социальными услугами. Альтернативный подход, использующийся во всех странах ОЭСР, помимо США, предпо-

лагает наличие оплачиваемого государством отпуска по уходу за ребенком. Государственная программа наконец была введена в Австралии в 2011 году, но была фактически свернута уже через несколько лет, когда были введены новые ограничения доступа к услугам для работников, обладающих корпоративными льготами.

> Вызовы для нового формата заботы

Старые программы социального обеспечения решали проблему ограниченной способности семьи удовлетворить растущие потребности в заботе и неспособности рынка адекватно справиться с этим положением. Сегодня политики стараются разработать новую альтернативную систему, основанную на регулируемом, поддерживаемом государством рынке заботы. Предполагается, что разнообразные регулируемые рынки, возникающие в Австралии, смогут снизить прямые затраты правительства, заменив государственное финансирование выплатами особо нуждающимся семьям, а также «эффективностью», следующей из предоставления недорогих услуг коммерческими поставщиками. Но хотя этот подход и может показаться привлекательным вследствие того, что потребителям предоставляется возможность более широкого «выбора» формы заботы, он также вызывает множество проблем в вопросе безопасности как для потребителя, так и для персонала. Последний в данной ситуации сталкивается с ухудшением условий труда и потерей карьерных перспектив.

Социологи также сталкиваются с серьезными вызовами. Чтобы выйти за пределы сложившихся представлений, нам также необходимо понять функционирование этих новых систем заботы, в то же время документируя и анализируя их последствия для предоставления заботы, для оплаты, для доверия и мотивации этих разных модусов, для личной и семейной близости, с одной стороны, и для оплачиваемой занятости с другой. ■

Корреспонденцию направляйте Майклу Файну на адрес michael.fine@mq.edu.au

> Долгосрочная забота: сравнивая Швецию и Японию

Хильдегард Теобальд, Университет Фехта, Германия, член научно-исследовательских комитетов МСА по проблемам старения (ИК11) и бедности, социального обеспечения и социальной политики (ИК19) и **Яей Сайто**, Университет Осаки, Япония

Активное старение в Японии.
Фото Пии Кьенингер.

С 1980-х годов политика долгосрочной заботы во многих западных странах претерпевает значительные изменения, что оказывает сильное воздействие как на пользователей услуг, так и на медицинских работников. Страны часто заимствуют друг у друга политику в отношении заботы. Хотя программы долгосрочной заботы в Швеции и Японии разрабатывались в рамках разных систем социального обеспечения и восприятия семейных обязанностей, шведский подход к долгосрочной заботе сыграл значительную роль в развитии аналогичной политики в Японии.

В Швеции с начала 1960-х годов реализуется всеобщая модель социальных сервисов, предоставляемых государством, ориентированная на социальную помощь пожилым. Объем услуг предоставляемых на муниципальном уровне в то же время постоянно расширяется. Формально такая система заботы регулируется «Зако-

ном о социальных услугах», принятым в 1982 году. Закон предусматривает наличие общего права на помощь, при этом возлагает на местные власти ответственность за удовлетворение потребности граждан в заботе, хотя и не содержит подробных правил относительно категорий населения, которые могут претендовать на услуги, как и относительно конкретного списка услуг. Начиная с 1980-х годов налоговые ограничения и демографические изменения стали приводить к тому, что спектр государственных услуг постепенно сужается и все более смещается в сторону наиболее нуждающихся граждан. В 2012 году 9% населения, достигшего 65 лет, пользовались государственными услугами домашней заботы, в то время как 5% проживали в домах престарелых. Тем не менее, с международной точки зрения диапазон предоставляемых услуг остается сравнительно широким, и оплата частных лиц покрывает лишь около 5% от общей стоимости услуг.

>>

В Японии, государственные услуги по помощи пожилым людям на дому также были введены в 1960-х годах, хотя предоставлялись только одиноким пожилым людям, способным доказать, что они являются особо нуждающимися. Акцент на ответственности семьи за старших родственников и концепция ограниченных социальных прав не дала разрастись сфере услуг по заботе на дому. С 1989 года, однако, «Десятилетняя стратегия укрепления здоровья и благосостояния престарелых» (Золотой план) способствовала созданию на муниципальном уровне института домашней заботы, финансируемого за счет налоговых сборов, по примеру шведской модели госуслуг. Однако, трудности в расширении программы домашней заботы, ограниченность муниципальных ресурсов и достаточно критическое отношение японцев к повышению налогового бремени привели к созданию всеобщей Долгосрочной страховки по заботе (Long-Term Care Insurance (LTCI)), введенной в 2000 году и финансируемой как за счет налогов, так и за счет страховых взносов. В рамках программы предоставлялась возможность проживания в доме престарелых (то есть забота интернатного типа), а также услуги по уходу и заботе на дому для пожилых людей как с тяжелым состоянием здоровья, так и с минимальными потребностями в помощи. Эта программа значительно расширила круг получателей услуг. В 2011 году почти 13% взрослых в возрасте 65 лет и старше являлись потребителями долгосрочных услуг по заботе, из них 4,4% получали эти услуги на дому, 5,4% посещали дневные учреждения, 3% проживали в домах престарелых. В апреле 2015 года разработана новая реформа, цель которой – помочь пожилым с тяжелым состоянием здоровья и, соответственно, с более значительными потребностями в заботе. Эта программа увеличивает финансирование за счет доплаты из личных средств пожилых клиентов с более высокими доходами в размере от 10 до 20% от общей стоимости услуг.

Хотя сфера оказания услуг была частично передана в руки рынка как в Швеции, так и в Японии, она по-прежнему финансируется государством. Достаточно развитая государственная программа предоставления заботы как в домах престарелых, так и на дому открылась для участия коммерческих и некоммерческих организаций в 1990х. Изначально переход к рыночным механизмам был основан на аутсорсинге государственных услуг по заботе коммерческим поставщикам услуг на основании открытой конкуренции, но сегодня на муниципальном уровне более распространена модель потребительского выбора. Согласно этой модели, муниципалитеты регистрируют государственных и частных поставщиков услуг, из числа которых потребители могут выбрать подходяще-

го. К 2012 году около 20 процентов домашней заботы и заботы интернатного типа предоставлялось сетевыми коммерческими поставщиками услуг.

В Японии программа LTCI создала рынок домашней заботы и ухода, организованный через соревнование государственных, коммерческих и некоммерческих поставщиков, создав модель, основанную на потребительском выборе. Услуги в домах престарелых, однако, по-прежнему предоставляются государственными или некоммерческими организациями. Муниципалитеты управляют системой, обеспечивая финансирование через LTCI и налоговые сборы, в то время как префектуры выдают разрешения поставщикам услуг на работу и дополнительное налоговое финансирование. С увеличением числа поставщиков социальной помощи на дому в связи с введением всеобщей системы LTCI, доля коммерческих поставщиков увеличилась с 30% в 2000 году до 63% в 2012 году.

Изменения в поддержку публичного сектора, сокращение инфраструктуры публичной заботы и развитие рыночных реформ привели к изменению положения работников сферы заботы, особенно тех, кто оказывает помощь на дому. Недавнее исследование условий труда домашних помощников в обеих странах показали высокие уровни стандартизации работы по уходу и высокие уровни нагрузки. В обеих странах, по сообщениям домашних помощников, круг их задач почти всегда предопределен изначально и спланирован в соответствии с жестким графиком. Но они оценивают эту реструктуризацию с учетом конкретного контекста своей страны. В Швеции постепенное свертывание государственных программ долгосрочной заботы, рыночно-ориентированная реструктуризация существующей инфраструктуры заботы вместе с узкими временными рамками оказания заботы, противоречит распространенным нормам, что приводит к сильной критике со стороны работников здравоохранения. В Японии работники сферы заботы не воспринимают сходные процессы столь же негативно, потому что расширение услуг по заботе и государственной помощи происходило одновременно с рыночной реструктуризацией. Тем не менее, в обеих странах более 40% работников сферы заботы подумывают о том, чтобы найти другую работу, что свидетельствует о высоком уровне недовольства условиями труда. В Японии оно в основном связано с тяжестью работы и низким уровнем заработной платы, в то время как в Швеции «корень зла» заключается в вышеописанных программных изменениях. ■

Корреспонденцию направляйте Хильдегарду Теобальду <hildegard.theobald@uni-vechta.de> и Яэй Сайто <ysaito@hus.osaka-u.ac.jp>

> Меняющееся лицо заботы как формы занятости: Австрия и Германия

Роланд Атцмюллер, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Австрия, член ИК 19 (по проблемам бедности, социального обеспечения и социальной политики); **Бригитте Ауленбахер**, Университет Иоганна Кеплера, Линц, Австрия, член научно-исследовательских комитетов МСА по экономике и обществу (ИК02) и ИК19, социологии труда (ИК30), и положению женщин в обществе (ИК32); вице-председатель местного организационного комитета Третьего Форума МСА, Вена 2016; **Альмут Бахингер**, Международный центр по развитию миграционной политики, Вена, Австрия; **Фабьен Десье**, Университет имени Иоганна Кеплера, Линц, Австрия; **Биргит Ригграф**, Университет Падерборна, Германия, член ИК02, ИК19, ИК30, и ИК32.

Типичный австрийский детский сад.
Фото Трудовой палаты Верхней Австрии.

Австрия и Германия, две экономически мощные западно-европейские страны, граничащие со странами Восточной Европы, которые обычно относят к консервативному типу социальных государств, в настоящее время переживают фундаментальную реорганизацию социальной

сферы. Оба общества сталкиваются с ростом требований, обязательств и расходов в области социального обеспечения и заботы как вида труда, особенно в сфере медицинской помощи пожилым и заботе о детях. Общим странам удастся выполнить свои обязательства как в частных домохозяйствах, так и в профессиональной области.

>>

1 мая – День невидимого труда! Статуя популярной немецкой актрисы Иды Шумахер, одетая как символ невидимой работы. Фотография Биргит Эрбе.

> Эксплуатация трудящихся-мигрантов

Большая часть заботы в Германии и Австрии предоставляется бесплатно в семьях, причем в основном женщинами. Хотя рост участия женщин на рынке труда и распространение альтернативных стилей жизни означает, что организация семейных отношений перестала соответствовать традиционным образцам, государственная политика по схеме «деньги-за-заботу» через денежные стимулы и налоговые льготы ориентирована на поддержание старой модели семьи. В Германии и Австрии, как и в других странах, работа женщины-мигрантки часто включает в себя три вида помощи по дому: уборку, заботу и приготовление пищи в домашнем хозяйстве. Эта система оставляет традиционное гендерное разделение труда нетронутым и снимает с государственного сектора часть требований по предоставлению заботы.

Приграничное положение Австрии и Германии, неравенство в доходах между Западом и Востоком, а также наличие большого запаса высококвалифицированных кадров в Вос-

точной Европе способствует найму трудовых мигранток, особенно из соседних стран. Для того, чтобы регулировать так называемый круглосуточный уход, Австрия решила легализовать этот вид домашней работы. В Германии труд мигрантов в домашней сфере предполагает легальные, полуполигальные и нелегальные формы проживания и занятости. Проживание по месту работы политически поощряется и субсидируется в Австрии, неформально допускается в Германии, хотя такая форма трудоустройства не соответствует стандартам занятости в обеих странах. Круглосуточная работа и высокий уровень ответственности в сочетании с социальной изоляцией и низким уровнем доходов сопровождают работу мигранток, проживающих в домах своих работодателей.

В Австрии и Германии благодаря государству всеобщего благосостояния с одной стороны и доступности трудовых мигрантов с другой домохозяйства среднего класса могут получить необходимый уровень и объем заботы. В странах Восточной Европы, однако, возникают новые трудности в области предоставления

заботы, по мере того как родственники мигранток, оставшиеся на родине, сталкиваются с дефицитом заботы о пожилых. Занятые в сфере оплачиваемой заботы женщины часто обслуживают два домохозяйства одновременно, курсируя между австрийскими или немецкими домами, где им платят за заботу, и своим собственным домом, где они также заботятся о родственниках в рамках неоплачиваемого труда по социальному воспроизводству.

> Труд заботы в государственном секторе занятости

После финансового кризиса 2008 года и последующего введения мер жесткой экономии, профессиональная забота о детях и по уходу за престарелыми оказались под сильным давлением, отчасти потому, что новые частные поставщики услуг начали конкурировать за на рынке этого региона. Кроме того, рационализация и меры по реорганизации в соответствии с концепцией Нового государственного управления привели к тому, что рабочие пространства и параметры предоставления

>>

услуг были стандартизированы. Это сделало их более эффективными с экономической точки зрения, однако при этом они по-прежнему не соответствуют представлениям потребителей о качественной заботе. В сфере заботы о престарелых, ненормированный график работы затрудняет обеспечение психологической заботы или даже физической поддержки. В детских садах надежды на повышение качества заботы с помощью образования компенсируются проблемными условиями, такими как переполненность групп.

Сферы оплачиваемой заботы о престарелых и детях издавна рассматриваются как свободные от забастовок и протестов, поскольку работники редко готовы оставить подопечных без присмотра. Но ситуация начала меняться: воспитатели детских садов в Германии в настоящее время организуют забастовки с требованием повышения оплаты и улучшения условий труда, а также повышения профессионального статуса. Эти забастовки перекинулись и в Австрию в 2009 г. В результате протестов был создан «Kollektiv Kindertagenaufstand» («коллективный бунт детских садов»). Протестные формы коллективного действия используются для привлечения внимания к плохим условиям труда и занятости в сфере заботы о детях.

Помимо профсоюзной поддержки бастующим в детских садах и домах престарелых, в Австрии и Германии возникают новые формы гражданского общества и общественных движений. Такие инициативы как Care Mob, Care Revolution, Care Manifesto сочетают критику организации труда заботы с политическими требованиями, которые включают фундаментальную критику капитализма и проекты альтернативного видения лучше будущего.

В то же время рационализация в сфере здравоохранения идет рука об руку с новыми формами социальной поляризации и разделения труда, например, между руководством и рядовыми работниками, что подрывает потенциальную солидарность представителей одной сферы занятости.

> **Альтернативные концепции заботы**

Наконец, существуют новые проекты, направленные на удовлетворение растущих потребностей общества в заботе. Управляемые на локальном уровне соседские сообщества заботы, в первую очередь направленные на оказание помощи пациентам с деменцией, получили распространение уже с 90х гг. и представляют очевидную альтернативу как семейному уходу, так и домам престарелых.

Локальные сообщества заботы, как правило, организованы членами семьи, которые продолжают предоставлять какую-то часть необходимой заботы, а мобильные поставщики услуг предоставляют остальные сервисы. Эта версия ухода с проживанием строится на модели семьи, но при этом превращается в оплачиваемую работу. Большинство таких проектов осуществляются в семьях среднего класса, предлагая квалифицированным кадрам возможность работать на более профессиональном уровне, чем в рамках стационара. Но ограниченные финансы для этих проектов часто приводят к прекарным трудовым отношениям: квалифицированный персонал работает неполный рабочий день, в то время как эксплуатируемые работники, часто трудовые мигрантки, берут на себя всю черную работу. Хотя в рамках такого подхода не решается ни

проблема низкой оплаты, ни вопрос низкого общественного признания работников по уходу, он является ответом на запрос о переводе занятости в правовую сферу.

> **Пространство заботы: спорная территория**

Происходящие изменения в секторе заботы подчеркивают поляризационные эффекты, связанные с реорганизацией западноевропейских государств всеобщего благосостояния. Они переживают не лучшие времена не только из-за жесткой бюджетной экономии. Реорганизация систем соцобеспечения ориентирована на продуктивность и рост (международной) конкурентоспособности. С одной стороны, якобы «непроизводительные» расходы на пожилых людей выставляются как более или менее неформальная этнически стратифицированная организация заботы. С другой стороны, все углубляющееся подчинение соцобеспечения экономическим императивам превращает часть труда заботы в инвестиции в экономическую конкурентную способность и будущие карьерные перспективы молодых людей. Так происходит, например, в сфере ухода за детьми. Тем не менее, наши примеры показывают, что нехватка индивидуальной заботы, квалифицированного труда и социальной сплоченности связаны с противоречиями в организации труда заботы. Более того, примеры показывают, что путь от государства всеобщего благосостояния к инвестиционному государству вызвал протесты, цель которых - организация работников сферы заботы и получателей заботы с целью превращения заботы в спорную территорию социального обеспечения. ■

Корреспонденцию направляйте Бригитте Ауленбах <brigitte.aulenbacher@jku.at> и Биргит Риграф <[brigraf@mail.uni-paderborn.](mailto:briegraf@mail.uni-paderborn.)>

> Повседневная забота в прекарных условиях: Чили, Коста-Рика и Испания

Моника Будовски, Фрибургский университет, Швейцария, член ИК МСА по экономике и обществу (ИК02), бедности, социальному обеспечению и социальной политике (ИК19) и социальным индикаторам (ИК55); **Себастьян Шиф**, Фрибургский университет, Швейцария; У. **Дэниел Вера Рохас**, Католический университет Вальпараисо, Чили¹.

Рискованные условия жизни в Коста-Рике.
Фото: В. Даниэль Вера Рохас.

Разные общества организуют заботу по-разному. Члены семьи и члены домохозяйства, особенно женщины, больше других занимаются уходом за родственниками и домочадцами; но организация заботы также зависит от характера и объема доступных государственных услуг, платных услуг и поддержки локального сообщества. Наше исследование было разработано с целью найти ответ на вопрос, каким образом организационные принципы соцобеспечения влияют на предоставление заботы в Чили, Коста-Рики и Испании.

Принципы режима соцобеспечения в Чили либеральны: подчеркивается важная роль рынка и индивидуальной ответственности. Поэтому мы предположили, что домохозяйства решают проблемы самостоятельно, опираясь на гендерное разделение домашнего труда, в случае если рынок предоставляет малый объем доступных услуг. В Ко-

ста-Рике соцобеспечение организовано в соответствии с социал-демократическими принципами: государственная политика играет важную роль, и домохозяйства по необходимости обращаются к государственным услугам и программам. Политика социального обеспечения Испании включает в себя многие консервативные принципы: государство делегирует предоставление заботы населению (в первую очередь женщинам) и защищает тех, кто работает в сфере формальной занятости (в первую очередь мужчин). Так, в Испании, уходом за ребенком в основном занимаются члены семьи/домохозяйства, которые лишь изредка прибегают к помощи государства, сообщества или друзей. Во всех трех странах гендерное разделение труда в домохозяйствах является центральным принципом организации заботы. И, несомненно, продолжительный финансовый кризис во всех трех странах влияет на то, каким образом решаются вопросы по предоставлению заботы.

>>

> Организация заботы о детях в прекарных домохозяйствах

В случае всех трех стран нас интересовало, как организована повседневная жизнь в домохозяйствах, находящихся в прекарных социально-экономических условиях находящихся не бедных, но находящихся на грани бедности. На такие домохозяйства не распространяется социальная политика, направленная на оказание помощи бедным, но их ограниченные финансовые возможности затрудняют аутсорсинг работы по уходу за детьми, например, использование платных услуг. В период с 2008 по 2010 год, мы взяли интервью в идентичной выборке домохозяйств в трех городах (от 24 до 31 домохозяйств в одном городе в каждой стране), чтобы изучить, что члены этих домохозяйств думали о заботе о детях и как организовывали эту заботу.

Формат заботы о ребенке в семьях Чили зависит от выбора родителей, от наличия неформальной неоплачиваемой семейной поддержки и платных услуг по уходу за детьми. К частной (субсидированной) формальной заботе о детях прибегают в тех случаях, когда считают, что это принесет пользу ребенку или если доходы обоих родителей необходимы для поддержания жизненного уровня домохозяйства или планов на будущее. Респонденты неоднозначно отзываются о позитивных сторонах рынка труда в области заботы: ненормированный рабочий день, плохие условия и низкая оплата труда, временность занятости сравниваются с уровнем дохода и чувством удовлетворения, безопасности и принадлежности. Многие респонденты демонстрируют традиционные взгляды на гендерное разделение труда и в основном признают, что «роль матери» приводит к напряженности баланса между оплачиваемой занятостью и заботой. Ни рынок, ни государство, ни организации гражданского общества могут, по их мнению, снять эту напряженность.

На Коста-Рике опрошенные домохозяйства организовывают уход за детьми через гендерное и межпоколенческое разделение труда. Работа и уход за детьми являются предметом договоренностей между разными поколениями женщин в домохозяйстве, как правило, с учетом того, чей доход является самым высоким. Иногда женщины неформально выплачивают друг другу услуги по уходу за ребенком. Если одной женщине удается найти работу на полный рабочий день, другие члены семьи, безработные или работающие неполный рабочий день - бабушки, братья и сестры, свекры - занимаются уходом за детьми. Если потребность в уходе за детьми требует больших затрат, чем может себе позволить то или иное домохозяйство, респонденты считают, что государство, и в меньшей степени рынок труда, могут помочь заполнить образовавшийся пробел. Рынки труда в Коста-Рике создают меньше стресса или осложнений для ухода за детьми, чем в Чили и Испании. Тем не менее, мужчины, как правило, меньше вовлечены в заботу о детях, а женщины не озвучивают эксплицитного призыва о помощи.

В испанских семьях, женщины, как правило, тянут лямку заботы о детях без посторонней помощи. Финансовый кризис снизил возможности трудоустройства и сократил объемы государственной поддержки заботы; других ва-

риантов систем социальной безопасности практически не существует. Лишь у нескольких женщин в отобранных испанских домохозяйствах есть дети. Эти женщины критикуют гендерное разделение труда в семье и жалуются на ограниченные возможности трудоустройства и отсутствие доступных государственных и частных учреждений заботы - частично по причине финансового кризиса. Круг знакомых и местные сообщества подключаются к заботе о детях в «чрезвычайных» ситуациях. Многие респонденты объясняют решение женщин об ограничении размера семьи несправедливым гендерным разделением труда.

> Сравнение стран

Сравнение механизмов заботы о детях в домохозяйствах с низким уровнем дохода выявляет два ключевых аспекта. Во-первых, значимость института семьи и домашнего хозяйства в вопросах заботы о детях и сохранение гендерного разделения труда внутри домохозяйства или между поколениями. Во-вторых, очевидно, что режимы соцобеспечения в сочетании с экономикой и социальной структурой стран оказывают значительное влияние на организацию заботы о детях в этих домохозяйствах.

Для большинства семей в прекарных условиях (не бедных, но находящихся в зоне риска) гендерное разделение труда - наряду с составом и размером домохозяйства - играет важнейшую роль в организации ухода за детьми. Принимаются ли эти гендерные роли безоговорочно или вызывают сомнения, доступны ли возможности заработка или государственная поддержка, также влияет на то, как организована и как воспринимается забота о детях. Семейная политика в Коста-Рике предоставляет стимулы для построения трехпоколенного домохозяйства, облегчающего уход за детьми. В Чили напряженные отношения между условиями труда, возможностями трудоустройства и наличием детских учреждений, наряду с традиционной гендерной идеологией, пронизывают организацию заботы о детях. В Испании отказ от деторождения или снижение числа детей уменьшает нагрузку заботы о детях для женщин. В то же время, финансовый кризис сужает спектр государственных услуг и возможностей оплачиваемой работы, так что матерям приходится прилагать большие усилия для сочетания множества социальных ролей.

Организация заботы о ребенке наименее проблематизирована в Коста-Рике, где другие женщины, члены семьи и государственная поддержка помогают найти выход из сложных ситуаций. В Чили условия труда, отсутствие доступных государственных и частных учреждений и услуг для детей в сочетании с гендерным разделением труда и традиционной гендерной идеологией превращают заботу о детях в источник стресса для матерей. Наибольший дисконформит забота о детях доставляет семьям в Испании, в силу сочетания гендерного разделения труда (считаемого несправедливым), вызванным кризисом снижением числа детских учреждений и сокращением возможностей трудоустройства. ■

Корреспонденцию направляйте Монике Будовски <monica.budowski@unifr.ch>

¹ Научный фонд Швейцарии финансировал проект, в рамках которого Университет Фрибурга развивал сотрудничество с Государственным Университетом Поллоны (Испания), Католическим университетом Темуко (Чили) и Ун-том Коста Рики.

> Предоставление заботы в Южной Африке

Елена Мур, Университет Кейптауна и **Джереми Сикингс**, Университет Кейптауна, ЮАР, бывший вице-президент ИК МСА по региональному и городскому развитию (ИК 21), член Исследовательского комитета по вопросам бедности, социального благополучия и социальной политики (ИК 19)

В Южной Африке существует потребность в финансовой и физической помощи нуждающемуся населению. Необычайно высокий уровень безработицы, неугасающая нищета и непреходящая эпидемия ВИЧ-СПИД – факторы, способствующие тому, что три четверти пятидесятимиллионного населения страны – в том числе двадцать миллионов детей, три миллиона пожилых, миллион мужчин и женщин трудоспособного возраста, потерявших трудоспособность, а также 12 миллионов безработных – нуждаются в некоторой форме заботы или финансовой поддержки.

Уже в 1920е годы Южная Африка начала строительство государства всеобщего благосостояния для белых граждан. Проект основывался на модели британской системы социальной поддержки и заботы, финансируемой за счет налогообложения и фокусирующейся в основном на потребностях «достойных» категорий граждан, а именно женщин и детей (реже – мужчин). В то время в ЮАР «достойные» поддержки категории граждан являлись носителями расовых характеристик: южноафриканское «африканское», или «черное» население исключалось (если не целиком, то частично) из проекта государства всеобщего благосостояния и социального гражданства, а также было лишено политических прав и политического гражданства. Ограничения занятости и места жительства при апартеиде воспроизводило расовую мигрантскую систему труда, заставляя многих работающих родителей оставлять детей на воспитание старшим родственникам (бабушкам и дедушкам), которых родители материально поддерживали, пересылая им долю своих заработков. Лишь с начала 1970х гг. императивы экономического роста и политической стабильности заставили государство апартеида начать медленное перераспределение государственных ресурсов в пользу людей, классифицированных как «цветные», «индийцы», а затем и «африканцы». Переход к более инклюзивной системе заботы был завершён лишь после первых демократических выборов в 1994 году.

Преодоление расизма во внутренней политике, особенно в программах социальной помощи, государственного образования и здравоохранения, способствовала созданию крупного государства всеобщего благосостояния, занимающегося редистрибуцией благосостояния (хотя и не

всегда равномерной). Такая система сосуществует с растущим рыночным и родственным обеспечением заботы.

Многие дети продолжают жить в расширенных семьях, зачастую без одного или обоих родителей. Лишь каждый третий ребенок в стране живет с биологическим отцом. Около пяти с половиной миллионов детей живут без биологических родителей. Родственники играют ключевую роль в предоставлении заботы. В то же время феминизация рабочей силы и изменяющиеся паттерны родственных отношений привели к увеличению рыночного предоставления услуг. Около 30% детей в возрасте до 4х лет посещают детские сады или ясли.

Государство предоставляет заботу о детях контексте школьных учреждений, выдавая денежные гранты опекунам (в том числе приемным родителям). В начале 2000х гг. была расширена сеть дошкольных учреждений. Объем опекунских грантов является уникальным по объему охватываемых грантом услуг и в денежном выражении (относительно ВВП) даже по сравнению с более известными на международном уровне программами, таким как бразильская Bolsa Familia.

Государство оказывает поддержку пожилым южноафриканцам предоставляя им пенсии на постоянной основе. Более 1% ВВП перераспределяется в пользу почти трех миллионов пенсионеров. Пенсия по старости назначается в соответствии с нуждаемостью, однако верхняя граница закреплена на достаточно высоком уровне, в результате чего исключаются только богатые южноафриканцы. Расширение программы финансовой помощи для пожилых пост-апартеидным государством контрастирует с откатом в области непосредственно государственных услуг по заботе о пожилых. Прямое (государственные дома престарелых) и косвенное (субсидированные дома престарелых) предоставление государством заботы интернатного типа для пожилых не смогло пережить демократический транзит. Пенсия по старости, предполагающая щедрые пособия, приводит к значительным косвенным последствиям в области предоставления заботы и домашних финансов. Три четверти пожилых людей проживают в домохозяйствах под одной крышей со взрослыми детьми трудоспособного возраста. В то время

“В отличие от либеральных режимов социального обеспечения Глобального Севера южноафриканские программы предоставления социальных услуг характеризуются достаточно широким охватом”

как пожилые оказывают значительную финансовую поддержку молодым родственникам, молодые члены семьи тратят очень мало времени на заботу о пожилых.

Около миллиона больных и нетрудоспособных взрослых получают пособия по инвалидности. СПИД способствовал увеличению числа больных людей трудоспособного возраста, нуждающихся в финансовой помощи и физической заботе. Исследования показывают, что СПИД растворяет родственные связи. Больные родственники зачастую не могут рассчитывать на помощь дальних или даже ближайших родственников. Родственная забота остается гендерно маркированной, и СПИД лишь усугубил эту тенденцию.

В Южной Африке безработные трудоспособного возраста практически не получают иной государственной поддержки кроме той, которая предусматривается программой трудового социального обеспечения. Без государственной поддержки и не имея доступа к рыночным услугам безработные взрослые зависят от своих родственников, но родственная поддержка более не является безусловной. Идеализированное связующее и неизбежное родство, описанное антропологами (такими как Майер Фортес) более 40 лет назад, практически отсутствует на сегодняшний день. Южноафриканцы теперь различают между родственниками, заслуживающими помощи и теми, кто не отличается примерным поведением.

Южноафриканская система заботы и социального обеспечения имеет ряд общих черт с либеральными режимами социального обеспечения стран Глобального Севера. Ресурсы государства направляются на социальные программы поддержки нуждающихся, которые фокусируются на «достойных» категориях бедных. Государство призывает к увеличению рыночного обеспечения заботы че-

рез пенсии и медицинские страховки, выплачиваемые за счет выплачиваемых взносов, а также частные ясли и детские сады.

В отличие от либеральных режимов социального обеспечения Глобального Севера южноафриканские программы предоставления социальных услуг характеризуются достаточно широким охватом. Почти каждый третий гражданин получает тот или иной грант, около двух третей населения проживает в домохозяйстве с грантополучателем. Таким образом, гранты распространяются практически на половину домохозяйств, в том числе и тех, которые считаются бедными. По масштабам охвата эти программы напоминают более инклюзивные социал-демократические режимы Глобального Севера.

В то время как родственные связи претерпевают изменения, а степень оказания заботы все чаще зависит от поведения и установок нуждающихся, многие южноафриканцы все еще зависят от членов своей семьи в вопросах получения финансовой помощи или физической заботы. В этом плане Южная Африка напоминает семейно-ориентированные южно-европейские страны.

Отказ от расистских практик распределения социальных грантов и изменение паттернов родственной поддержки в течение последних десятилетий способствовали тому, что южноафриканский режим социального обеспечения приобрел социально-демократические черты. При этом государство частично отказалось от своей и так ограниченной роли в предоставлении физической заботы (особенно для некоторых пожилых), заставив людей полагаться на родственников и все чаще – на рынок. ■

Корреспонденцию просим направлять Елене Мур <elena.moore@uct.ac.za> и Джереми Сикингсу <jeremy.seekings@gmail.com>

> Социология во враждебной среде

Лаборатория публичной социологии, Санкт Петербург, Россия¹

¹ Максим Алюков, Диляра Валеева, Ксения Ермошина, Светлана Ерпылева, Олег Журавлев, Илья Матвеев, Андрей Невский, Наталья Савельева

Лаборатория публичной социологии – название независимой исследовательской группы, состоящей из молодых ученых и активистов левых взглядов. Некоторые из нас участвовали в студенческом протесте против коммерциализации образования, коррупции и профанации научного знания на социологическом факультете МГУ в 2007-2008 гг. Другие, обучаясь общественным наукам в университетах, одновременно были участниками левых политических и артистических объединений. В 2011 году совместно мы решили создать коллектив ангажированных исследователей, который будет изучать протесты в деполитизированном обществе. Проведя масштабное исследование российского «Движения за честные выборы» 2011-2012 годов, затем мы стали изучать украинский Майдан и Анти-майдан. Эти проекты были осуществлены на базе Центра независимых социологических исследований. В этой статье мы хотели бы сосредоточиться на трех вопросах: во-первых, в каком контексте происходило формирование нашего кредо, во-вторых, что для нас означает заниматься «публичной социологией», в-третьих, какие ограничения институциональная среда накладывает на нашу деятельность и как мы видим пути их преодоления?

> Российская социология: между инструментализмом и профессионализмом

В период нашей профессиональной социализации в дисциплине сложились два негласных консенсуса, кото-

рые обуславливали два типа социологического знания: инструментальное и профессиональное. Первый может быть обнаружен в деградирующей Академии наук и на скрыто приватизированных деканатах социологических факультетах, где «ученые» либо обслуживали рынок (как рынок заказов на прикладные исследования, так рынок продажи дипломов), либо производили нормативные квазинаучные конструкции (исследование «среднего класса», «транзита», «русской смуты» и т. д.).

В противовес этой «официальной» или «инструментальной» социологии сформировалась фракция «автономистов». Они считали, что подлинная социальная наука может быть только профессиональной, а залог профессионализма – отказ от политической ангажированности. По их мнению, непрофессионализм «популистов» и «прикладников» вызван не просто отсутствием автономии, как ее понимал Пьер Бурдьё, но также политизированностью как таковой.

Свое разногласие с «инструментальным» консенсусом часть из нас сформулировала на языке новой профессиональной социологии, во время нашего протеста против системы, сложившейся на факультете социологии «главного» университета страны, МГУ. А свое неприятие аполитичного консенсуса «профессионалов» мы осознали уже позже, участвуя в левом движении. Опыт взаимодействия с активистами, которые часто оказывались рефлексивнее профессиональных ученых, все больше диссонировал с доктринерством и снобизмом последних, а также с их ме-

>>>

тодологическим догматизмом (который, впрочем, позволяя достигать научных результатов). Наиболее последовательно «автономистской» линии придерживается публиковавшийся на страницах «Глобального диалога» социолог В. Вахштайн, утверждающий, что для профессионализации российской социологии необходимо построить «не ангажированную» науку, поскольку сейчас в общественности доминирующими являются не научные, а идеологические «нео-советский» и «антисоветский» языки (См. *Глобальный диалог* 2.3, а также ответ Романского и Тощенко в *Глобальном диалоге* 2.5.). Призыванием социологии Вахштайн считает императив «производства знания ради знания», а политизация обществоведения на любом уровне, по его убеждению, убивает научную рациональность как таковую.

Мы считаем, что подобная позиция вовсе не имманентна «ценностям науки», как это пытается представить Вахштайн, а, напротив, является позицией идеологической в том смысле, в каком идеологией постсоветского неоллиберального порядка стала деполитизация - здравый смысл, сформированный разочарованием в политике и публичной сфере, их стигматизацией и исходом в частную жизнь. Это легко доказать: идеал «чистого знания» поколение Вахштайна усвоило у своих учителей, продвинутых «критиков буржуазной социологии», для которых борьба за строгость социологического знания была вдохновлена вовсе не стремлением к избавлению от ангажированности, но, напротив, желанием найти аутентичное объяснение потрясшему их процессу распада советской империи. Они же видели в социологии гражданскую миссию самопознания общества. Однако этот идеал теоретической глубины, будучи передан новому поколению в условиях деполитизации, трансформировался в фетиш «чистой науки».

После политизации общества на волне антипутинского протеста 2011-2012 гг., а затем украинского Майдана и войны, профессиональные социологи также вынуждены обращаться к теме протестов. Однако, не имея опыта политической рефлексии в рамках науки, они обречены либо на воспроизводство идеологических клише, обрамленных научной риторикой, либо на искусственное встраивание протестных реалий в свои «готовые» теоретические схемы.

> **Что мы понимаем под публичной социологией**

Если для поколения учителей «профессионалов» вдохновением служил трагический опыт общественных перемен 1980-х, а для самих «профессионалов» - экзистенциальные проблемы индивидуальных членов спящего в приватной сфере постсоветского общества, то нашей экзистенциальной проблемой стала сама деполитизация - вследствие осуждения нашего участия в протестах со стороны общества, научной среды, друзей. Именно поэтому мы изучаем протесты и деполитизацию, опираясь на категории публичной и приватной сфер.

В свою очередь, изучение публичной сферы привело нас к потребности обсуждать наши результаты с теми, кого мы изучаем - с нарождающимися в обществе публиками. Поэтому мы задумали большую конференцию, на которую собираемся пригласить представителей изучаемых нами локальных активистских групп, возникших

на волне протестов 2012-2012 гг. На этой конференции мы представим на суд активистов результаты своих исследований, а также попытаемся инициировать дискуссию между ними и их объединение в общую сеть.

Мы уверены, что озабоченность общественно-политическими проблемами позволяет по-новому рассмотреть и глубже понять социологические теории. Можно ли понять смысл проекта Дюркгейма без озабоченности аномией? Можно ли понять смысл теорий публичности от Арендт и Хабермаса до Фрейзер, Негта и Клюгге без переживания бедности жизни, ограниченной приватной сферой? В нашем манифесте написано: «Основная цель Лаборатории - это совмещение профессионального подхода к исследованиям и гражданской вовлеченности. Исследовательские вопросы, которые ставят участники PS Lab, связаны с актуальными социальными проблемами, политической ситуацией в России и в мире. Кроме того, задача Лаборатории - соединять социальную проблематику и гражданскую ответственность с теоретической и экзистенциальной глубиной: т.е. разрешать «высокие» теоретические вопросы через эмпирическое изучение социальных проблем. Например, исследование политической мобилизации во время последних протестов позволяет поднять проблемы одиночества и солидарности, индивидуализма и солидарности».

> **Барьеры на пути публичной социологии в России**

Однако легко ли придерживаться подобного кредо в современной России? Есть несколько трудностей, угрожающих самому существованию нашего проекта. Мы зажаты не только между «профессионалами» и «инструменталистами» в официальной науке, но также между большими университетами и институтами и рынком грантов. Научные институты, будь то отсталая Академия наук или «продвинутые» маленькие университеты, навязывают необходимость встраиваться в жесткие иерархии и служащие их воспроизводству карьерные ритмы. Эта логика растворяет коллектив, атомизируя и подчиняя его. Именно поэтому мы обосновались в ЦНСИ - наиболее независимом, низовом, но при этом профессиональном социологическом центре. В свою очередь, грантовый рынок стремительно сужается, в том числе, вследствие государственных репрессий в адрес инакомыслящих ученых. Например, после публикации нашей книги «Политика аполитичных», посвященной изучению протестов 2011-2012 годов, ЦНСИ было представлено обвинение по статье об НКО- «иностранных агентах».

Поэтому перед нами сегодня стоит проблема выживания в неблагоприятном климате. До сих пор мы опирались на ресурсы, ограниченность которых представляется скорее вынужденной, чем желательной: на сильный морально-политический консенсус внутри небольшой группы единомышленников, дружеские связи, неформальное лидерство. Однако этого недостаточно для воспроизводства нашего проекта. Поэтому мы убеждены в необходимости создания научно-художественного интернационала, который объединит ангажированных ученых художников и других творческих работников Восточной Европы, а потом и всего мира. ■

Связаться с авторами можно по адресу: publicsociologylab@gmail.com

> Социалистические идеалы в раннесоветской архитектуре

Наталья Трегубова и Валентин Стариков, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Русское слово «совет» означает: 1) собрание, совещание, заседание; 2) наставление, рекомендация, предложение; 3) гармония, согласие. Этот термин используется для обозначения особого вида политической организации, появившейся после Октябрьской революции 1917 года и радикально изменившей политическую власть: «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», также известные как просто «советы».

Советы представляли собой органы управления, выборы в которые проводились «трудящимися гражданами». Предполагалось, что работа советов основана на коллективном принятии решений. По крайней мере, в раннесоветский период «советы» были организованы для содействия прямой демократии. Они воплощали новые принципы социальной жизни – солидарность, коллективизм и самоорганизацию. Однако в то же время эти принципы основывались на «диктатуре» прежде угнетенных классов.

Новая социальная реальность потребовала новых форм повседневности в городских и сельских областях – как в рабочей среде, так и в крестьянских повседневных практиках. Массовое образование и культурное воспитание, городская миграция, эмансипация женщин, новые формы управления – все эти процессы должны были быть встроены в паттерны повседневности, в том числе в ее пространственную организацию.

Новая социальная реальность стала мощным вызовом для архитекторов, получивших задание изобрести новые формы и типы построек.

Таким образом, социально-политической социально-политической реальностью был вызван к жизни всемирно известный советский конструктивистский авангард 1920-х – ранних 1930-х годов.

Один из крупнейших конструктивистских проектов, который по сей день остается в целостности и сохранности, – это комплекс зданий в районе Нарвской заставы в Санкт-Петербурге (прежде Ленинграда). В начале двадцатого века Нарвская застава была типичной рабочей окраиной. Здесь произошли трагические события Кровавого воскресенья 1905 года – мирная демонстрация рабочих была разогнана императорской гвардией. После революции 1917 года это событие стало одним из священных маркеров новой пролетарской идеологии [см. фото 1].

Район Нарвской заставы стал местом архитектурных экспериментов и превратился в значимый общественный центр более широкого промышленного района.

При разработке проектов государственного жилья для пролетариата архитекторы находились в поисках новых принципов пространственной организации, и жилые дома на Тракторной улице (построенные в 1925–27 гг.) стали экспериментальным проектом. Тракторная улица – пример переходного стиля как в архитектуре, так и в городском планировании: здесь прослеживаются черты русского неоклассицизма, которые сочетаются с новыми авангардными формами, супрематистскими мотивами и авангардным зонированием. Здания на Тракторной улице стали символом трансформации всего района [фото 2]

Первая средняя школа в Ленинграде – Школа имени 10-летия Октября – была открыта в 1927 году. Обучение в школе проводилось по экспериментальной программе, использовавшей новые методы обучения, которые стимулировали учебную активность и независимость, а также требовали меньшего количества учителей. В школе училось примерно 1000 учеников. В ней были классы различных типов, лаборатории и даже астрономическая обсерватория. [фото 3]

Новое архитектурное видение унаследовало функционалистские представления о значимости общественных мест. Первым большим проектом, организованным профсоюзным движением, стал Дом культуры (1925–27). Дом культуры был местом, где рабочие общались между собой. В нем находились театры, комнаты для клубных занятий, спортивные залы и библиотеки. В 1930–32 гг. Дом расширился – на его базе появилось профессиональное училище, предлагавшее рабочим и молодежи возможности развивать профессиональные навыки [фото 4]

Центром ансамбля Нарвской заставы были универмаг и фабрики-кухни (1929–31). Эти новейшие учреждения были созданы для массового производства готовых обедов (не путать с фаст-фудом второй половины двадцатого века!) и полуфабрикатов. Композиция здания демонстрирует динамику повседневности: крупные формы, разнообразные фигуры, пересекающиеся вертикальные и горизонтальные линии, асимметричные сечения. Огромный универмаг со стеклянной крышей виден с улицы – это очевидная манифестация идеалов ради-

>>

кальной открытости, эмансипации и солидарности, центральных для ранней советской идеологии. [фото 5]

Уникальный конструктивистский ансамбль завершает здание Кировского райсовета (1930–1935). Могущественное местное демократическое самоуправление – одна из ключевых идей в дискурсе советской политической организации 1920-х гг. В заметном издалека здании райсовета располагались районные власти, культурные институты, банк, почта и актовый зал. В проекте были задействованы все функциональные и технические новинки того времени. Однако в то же время здание Кировского райсовета можно рассматривать как символ упадка советского авангарда: псевдоклассический портик и другие декоративные детали являются признаками поворота в сто-

рону модернизированной имперской архитектуры, воплощающей новую тоталитарную идеологию. [фото 6]

Несколько лет спустя перед зданием была построена большая площадь, предназначавшаяся для массовых собраний и демонстраций. В 1938 году здесь был поставлен памятник легендарному руководителю Ленинградской организации ВКПБ, Сергею Кирову. [фото 7]

Огромный памятник Кирову (чьё убийство в 1934 году послужило поводом массовых репрессий) ознаменовал окончание ранней истории советской архитектуры и советского общества. Последующей эпохе требовались другие архитектурные формы, поощряющие другие формы социальности: массы вместо коллективов, тоталитарное правление

вместо народной демократии, конформистский консюмеризм вместо солидарности. Символично, что актовый зал Дома культуры вместимостью 1000 мест был вскоре превращен в кинотеатр.

Сегодня, почти сто лет спустя, Нарвская застава все еще является индустриальным районом, в основном населенным рабочими. Средняя школа, ДК, жилые дома и Кировский райсовет сохраняют свои основные функции, однако их значимость как мест социализации и коллективной активности пропала. Конструктивистскую архитектуру затмили структуры предшествующего (имперского) и более позднего (сталинского и позднесоветского) периодов, и весь район сегодня похож на палимпсест. [фото 8] ■

Корреспонденцию направлять Наталье Трегубовой natalya.tr@mail.ru

Фото 1: Демонстрация рабочих у Нарвских ворот перед Кровавым воскресеньем 1905 года под наблюдением вооруженной царской гвардии. Неизвестный художник.

Фото 2: Жилые дома на Тракторной улице.

Фото 3: Школа имени 10-летия Октября

Фото 4: Дом Культуры

Фото 5: Фабрика-кухня

Фото 6: Здание Кировского райсовета

Фото 7: Памятник Сергею Кирову

Фото 8: Сталинская архитектура на Нарвской площади (площади Стачек).

Все фото, кроме №1, сделаны Натальей Трегубовой и Валентином Стариковым

> Временная миграция au pair как обряд инициации

Зузана Секеракова Бурикова, Университет Масарика в Брно, Чехия

С начала 1990-х гг. проживание au pair стало важным путем миграции для женщин из Словакии. Специальные рекрутинговые агентства находят принимающие семьи и также занимаются вопросами логистики. На этой фотографии мигрантки au pair на автобусном вокзале Виктория в Лондоне прощаются с подругой, чье пребывание в стране только что закончилось. Фото Зузаны Секераковой Буриковой.

Проживание временных мигрантов “au pair” включает в себя оплачиваемый домашний труд, культурный обмен, определяемый национальными и международными правилами, и базовые условия проживания. Согласно определению, данному в британских законах 2004 и 2005 гг., au pair – это молодые иностранцы, в течение двух или менее лет проживающие в семье с целью выучить английский язык и больше узнать о стране. Предполагается, что au pair приравнивается к члену семьи, получает еду, комнату для проживания и «карманные деньги» – не зарплату – в

обмен на уход за детьми и/или работу по дому. Семьи обязаны относиться к au pair как к равным. Инструкции Иммиграционного директора и агентств по набору au pair обычно предлагают относиться к ним как к членам семьи.

С начала 1990-х годов проживание au pair является важным путем миграции для женщин из постсоциалистической Центральной и Восточной Европы. Особенно много мигрантов au pair приезжает из Словакии – это страна с наибольшим количеством au pair в расчете на душу населения. В СМИ проживание au pair часто описывается

>>

как экономическая стратегия совладания с трудностями постсоциалистической трансформации. Конечно, в словацких медиа и в повседневных обсуждениях миграция au pair связывается с экономическими проблемами и высоким уровнем безработицы среди молодежи. Однако словосочетание au pair возникает также в контексте высокого символического веса знания иностранных языков и заграничных путешествий.

В период с 2004 по 2005 гг. в Лондоне проводилось исследование методом включенного наблюдения, в ходе которого было записано 50 интервью со словацкими au pair. Интервью показали, что мотивация au pair не может быть сведена исключительно к экономической стратегии. Желание молодых людей работать, зарабатывать больше денег или выучить английский язык в основном соседствует с более личными проблемами: миграционные решения связаны с проблемами в отношениях с родителями, партнером или друзьями. Одна информантка говорила, что уехала по контракту au pair, чтобы не устраиваться на скучную и низкооплачиваемую работу на завод. Другая объясняла, что ее решение обусловлено недавно пережитым болезненным расставанием с молодым человеком, после которого она не может больше жить с ним в одной деревне. Очевидные экономические преимущества проживания au pair (или даже перспектива его будущей коммодификации) часто маскирует более сложные и менее очевидные мотивы. В целом, человеку гораздо удобнее заявлять, что он надеется выучить язык, чем говорить, что проживание au pair позволит ему сбежать от бесперспективных отношений или жизни под родительской крышей в условиях постоянного контроля старших.

Перед тем, как эмигрировать, большинство словацких au pair жили вместе с родителями. Для них проживание au pair стало абсолютно легитимным способом приобрести независимость. В целом, au pair рассматривали свое проживание как промежуточный период, предшествующий уходу из родительского дома и обоснованию в собственном жилье (в идеале, созданию собственной семьи). Время, проведенное за границей, они восприняли как время приключений, экспериментов и удовольствия. Работники au pair не переводили деньги родственникам, и этого от них никто и не ожидал. Свой заработок – то есть, «карманные деньги» – они тратили так, как обычно и тратят «карманные деньги» – на развлечения, одежду, вечеринки и подарки. Многие также заявляли, что откладывали на будущее небольшую часть заработка или же тратили некоторые деньги на изучение языка. В интервью многие говорили, что в будущем им потребуется аккуратно обращаться с деньгами или же жертвовать временем и ресурсами ради детей, однако сейчас им важно веселиться, экспериментировать с отношениями и погружаться в то, что au pair воспринимают как более продвинутую культуру потребления.

Многие au pair описывали эти эксперименты как часть более крупного проекта: проживая за границей, приобретая независимость от родителей и полагаясь только на себя, они получали уроки взросления и саморазвития. Часто au pair сравнивали свою работу со службой в армии, которая в период моего исследования была все еще обязательна для мужчин в Чехии. Многие женщины воспринимали проживание au pair как обряд перехода, инициацию во взрослую жизнь, доказательство собственной независимости.

Такое самоосознание привело к серьезным последствиям для многих проживающих au pair, так как побуждало их мириться с ситуациями, в которых они чувствовали себя угнетенными. Равные отношения между принимающей семьей и au pair, рекомендованные правовыми актами, едва ли реальны в условиях дисбаланса сил. Действительно, 82 из 86 семей, в которых работали мои информанты, не полностью следовали правилам: принимающие семьи часто требовали, чтобы их помощники работали дольше, чем следует, не платили сверхурочных или же игнорировали право работников на свободное время или изучение языка. Некоторым au pair приходилось спать в одной комнате с детьми, за которыми они ухаживали, или даже в одной кровати с ними.

Миграционный статус проживающих au pair, тот факт, что их дом является их «рабочим местом», неуверенное владение языком – вкупе с неоднозначным положением в доме, где они одновременно являются и не являются работниками, гостями и временными членами семьи – все это обуславливало их уязвимое положение при обсуждении условий работы и проживания. Для большинства au pair уход из эксплуатирующей или неприятной принимающей семьи означал, что им придется столкнуться с одним из трех непростых вариантов развития событий: искать новую принимающую семью, устраиваться на другую работу в Великобритании или же возвращаться домой в Словакию.

Слишком часто au pair принимали решение остаться на прежнем месте, несмотря на то, что они сталкивались с плохим обращением или эксплуатацией. Некоторые действительно упоминали о более прагматичных причинах остаться – отсутствие денег на билет домой, отсутствие ясных перспектив образования или занятости после неожиданного прекращения работы. Однако многие чувствовали, что им необходимо доказать свою способность стойко переносить трудности. Несколько респондентов описывали опыт эксплуатации со стороны принимающей семьи как проверку на взрослость и говорили, что взрослый человек не должен бежать к родителям, как только становится тяжело. Парадоксальным образом, структурное неравенство наряду со стремлением повзрослеть ослабило намерение этих au pair противостоять эксплуатации. Стремление au pair продемонстрировать свою зрелость как личности может в действительности быть причиной их бесправия. ■

Корреспонденцию направлять Зузане Секераковой Буриковой
burikova@fss.muni.cz

> Домашнее обучение: свобода и контроль в чешском образовании

Ирена Каспарова, Университет имени Масарика г. Брно, Чешская Республика

Урок анатомии на дому! Фото Ирены Каспаровой

По результатам различных международных оценок (например, стандартов PISA¹) последние двадцать лет успеваемость чешских школьников неуклонно падает, что провоцирует публичное обсуждение системы образования. Неудовлетворенные не только существующими стандартами, но и более широким кругом социальных вопросов, таких, как недостаток индивидуального подхода и свободы выбора в рамках обязательного образования, родители также выражают недовольство самим господствующим укладом жизни, в рамках которого работа и учеба в школе разлучают родителей и детей в самом раннем возрасте.

По окончании эпохи коммунизма – десятилетий подавляемого индивидуализма – некоторые чехи заявляли, что люди должны брать на себя ответственность за себя и свои семьи. Посткоммунистические правительства открыли новые возможности в некоторых областях социальной сферы, включая образование. В результате, появился альтернативный вариант получения образования – домашнее обучение.

Чешское домашнее обучение довольно разнообразно и варьируется от отказа от школы (unschooling) – философии обучения, в основе которой лежит принцип сле-

дования за ребенком, – до строгого выполнения официального школьного учебного плана в домашних условиях. Несмотря на то, что в последнее десятилетие потребности чешских родителей в подобной образовательной возможности возрастают, домашнее обучение все еще остается малораспространенной практикой, в которую вовлечено менее одного процента детей школьного возраста.

В период коммунистического режима (1947-1989) учащиеся не имели никакого иного выбора, кроме посещения государственных школ в рамках девятилетнего обязательного обучения. Альтернатив просто не существовало. Поэтому почти все современные чешские родители (в возрасте 30 лет и старше) сами обучались в рамках коммунистической идеологии, подчеркивающей равенство, единообразие, конформизм и однородность.

Следовательно, для многих родителей домашнее обучение – это новый феномен, который выглядит настоящим революционным. После того, как хорошо образованные родители, обучавшиеся какое-то время за границей, стали усиленно продвигать идею введения обучения на дому, в 2005 году оно стало законным правом детей и родителей.

По новому закону родители имеют право заниматься образованием своих детей самостоятельно, хотя и только в начальных классах (с 1 по 5). Юридически обязательные условия включают как минимум получение родителями-учителями диплома высшей школы, а также рекомендацию Государственного Психолого-Педагогического Консультационного Бюро (Pedagogical-Psychological Advice Bureau). Родители-учителя обязаны объяснить, по какой причине они желают обучать ребенка дома, а также продемонстрировать наличие необходимого пространства для обучения (мебели и свободного места в квартире). Ребенок обязан сдавать официальные школьные экзамены, по меньшей мере, дважды в год.

Закон предлагает свободу в получении образования, но в то же время он выражает стремление государства контролировать эту свободу настолько, насколько это возможно, требуя от родителей демонстрировать как культурный капитал так и финансовый. Все – и родители, и дети, – обязательно проходят тестирование, организованное Консультационным Бюро, которое выступает в качестве

¹ Программа международной оценки образования.

гейткипера государства и наделено властью разрешать и запрещать. Некоторые родители сообщают, что вынуждены были посетить даже несколько Консультационных Бюро для того, чтобы получить необходимые сертификаты.

Почему чешское государство сделало Консультационное Бюро «арбитром» домашнего обучения? Многие чиновники, склонные к консервативной позиции, не поддерживают идею исключения посредством домашнего обучения и отказываются желаемым на основании индивидуальных особенностей, в то же время игнорируя системные факторы, особенно доступ к экономическим ресурсам. В отличие от школ, которым государство выделяет определенную сумму денег на каждого ребенка (включая детей, обучающихся на дому, которых школы экзаменуют дважды в год), родители детей, находящихся на домашнем обучении, не получают никакой финансовой поддержки от государства на покупку книг, мебели, учебных материалов или питание. Фактически таким образом домашнее обучение могут практиковать только те, чье финансовое положение это позволяет.

В чешском контексте концепт исключения (exclusion) в образовании политически и культурно сензитивен. Раньше домашнее обучение описывалось как престижное по двум совершенно разным причинам. С одной стороны, существовал опыт чешской аристократии и олигархии, которые могли позволить себе индивидуальное обучение детей – особый тип исключительности (exclusivity), изображаемый после революции как незаслуженная привилегия богатых. После прихода к власти коммунистов в 1947 г. эти классы фактически прекратили свое существование. Новый режим заявил, что при коммунизме нет необходимости в домашнем обучении, поскольку бесплатное качественное образование предоставлялось всем.

С другой стороны, при коммунизме исключительность и домашнее образование наполняется совершенно иным значением. Поскольку обучение в школе после революции было основано на принципах универсальности и единообразия, не оставалось никакого места различиям. Дети с «несоответствующими» способностями – физическими или умственными – боролись за то, чтобы найти себе место в господствующей системе образования. Для так называемых «иных» – включая различные этнические группы, например, цыган – были организованы специальные школы. Если и таких школ было недостаточно, ребенок переводился на домашнее обучение. Те, кто обучался дома, при коммунистическом режиме становились объектами жалости как непригодные к интеграции в здоровое общество.

Недавно министр образования Чехии отверг всякую возможность домашнего обучения детей после начальной школы. Его позиция иллюстрирует двойственность отношения к домашнему образованию в Чешской Республике. Несмотря на то, что децентрализация и либерализация страны предоставили юридические, и социальные основания для домашнего обучения как жизнеспособной альтернативы, реальные ограничения делают его применение на практике крайне избирательным. Во многом так же, как это было в эпоху коммунизма, исключение (exclusion) влечет за собой освобождение от контроля со стороны государства, а это все еще представляется последнему нежелательным. Парадоксальным образом Чешское государство поддерживает инклюзивную политику в образовании, легализуя обучение детей на дому, и в то же время в помощь жестких механизмов контроля превращает его в эксклюзивную нишу. ■

Корреспонденцию направлять Ирине Каспаровой <irenakasparova@seznam.cz>

> Чтобы в Чехии помнили рабочих-цыган

Катерина Сидиропулу Янку, Университет имени Масарика, г. Брно, Чехия

Выставка о цыганах рома на площади Национального театра в Праге.
Фото Михала Гечовского.

На дворе 15 мая 2013 года. Мы стоим на заливной солнцем площади Оломоуца, городка на полпути от Брно до Остравы, где занимаемся разработкой проекта «Чтобы помнили цыганских рабочих». В полном составе наша команда собралась впервые. Более десяти человек - ученых, социальных работников, учителей – собрались вместе, чтобы обсудить задачи предстоящего рабочего дня. Нет лучшего способа познакомиться и построить взаимное доверие, чем вместе работать на общую цель. Наша цель заключается в том, чтобы подготовить выставку о словацких цыганах, приехавших работать на чешских землях после 1945 года, отметить годовщину этих событий и попытаться в лучшую сторону изменить статус цыган в чешском обществе.

«Когда я гуляю по городскому кварталу, в котором мы работаем, я всегда спрашиваю молодых девушек, с которыми я почти не знакома, «Khatar sal?» (Откуда ты?). Потому что я

знаю, что все они откуда-то приехали, корни их семей, как и моей собственной, где-то в Словакии,» – говорит Божена Дуди Котова, волонтер и дочь цыганского писателя, активиста и бывшего рабочего, впервые приехавшего в страну, сегодня называющуюся Чехией, со словацко-украинской границы в 1952 году. Организатор будущей выставки внимательно слушает, другие члены команды согласны с названием выставки, и я рада, что режиссер проекта успел запечатлеть этот важный момент на камеру.

«Как пишется «Khatar sal»? – спрашиваю я, потому что довольно слабо знакома с языком рома, то есть цыганским. Я знаю лишь несколько основных фраз, достаточных, чтобы поприветствовать, символически выразить уважение, и защититься в случае необходимости. Язык рома слишком сложен для меня; я не дотянула даже до пятого урока. Божена проговаривает, как пишется «Khatar

>>

sal?», но добавляет: «Мы должны назвать выставку «Khatarsan», потому что все еще принято обращаться к пожилым с использованием формальной вежливой формы».

Перенесемся вперед во времени. Вот уже 8 сентября 2014, я произношу приветственное слово на открытии выставки, за моей спиной расположена картонная модель расписанная в цвета чешского и цыганского флагов. Около пятидесяти человек наблюдают за мной в толпе. Один из них – полицейский в штатском. Он специализируется на экстремизме и пришел сюда, вероятно, потому что мы сообщили местной полиции о том, что планируем организовать выставку на площади Острава-Витковице, и скромно попросили, не могли бы они присмотреть за нами. Не знаем, что могло бы случиться. И случится ли. С выставкой? С нами? Чиновники из администрации Центрального района Остравы отказались выдать нам разрешение на проведение выставки на главной площади и проигнорировали наше приглашение обсудить с нами свое решение. «Неудивительно» говорит один из посетителей в Острове-Витковице. «Они чувствуют, что несут ответственность за имидж центральной Остравы и не хотят, чтобы она выглядела как обитель цыган».

Журналист-хроникер из Витковицы смотрит на это иначе: «Я очень рад, что этот новый культурный форум проходит именно у нас. Ни у кого другого в Острове его нет!»

Что стало для нас самым большим сюрпризом? Отсутствие вандализма по отношению к экспонатам на протяжении всех пяти недель выставки. То, что цыганские семьи приходили, одевшись как на праздник, чтобы увидеть и послушать своих родственников и соседей. Бездомный посетитель выставки, поблагодаривший нас за очень интересный опыт. То, что прохожие подростки, одетые современно и празднично и пользующиеся девайсами по последнему слову техники, впадали в истерику при малейшем намеке на то, что мы хотим подойти и поговорить с ними. Воспоминания пожилых чехов о цыганских коллегах, соседях и юношеских влюбленностях 1960х. Директор начальной школы, полной учеников-цыган, не имеющая понятия о существовании флага цыган и заявляющая о своем невежестве без тени смущения.

Итак, на календаре 9 февраля 2015 года. По электронной почте я получаю письмо из Министерства Культуры Чехии, финансировавшего наш проект. Мы сделали три выставки, как и обещали, но выполнить условие грантодателя – то,

что каждая выставка должна длиться не менее двух месяцев – нам не удалось. Весной 2014 года я была уверена, что мне удастся выполнить это условие, но по мере того как нарастали разнообразие препятствия и более-менее очевидные формы административного и политического давления, я постепенно отошла от этого условия и забыла, что оно имеет решающее значение для получения гранта. Просто я была поражена и угнетена обилием административных сложностей, наложившим печатя на весь процесс (в том числе и тот факт, что для проведения выставки в каждом месте мне требовалось пятнадцать разрешений, что для меня является личным рекордом), как и подчас непонятным и недружелюбным стилем общения. Мы уже нашли две группы, готовые поддержать последующие выставки. Независимый куратор из-за рубежа узнал о нашей выставке и послал благодарственную записку вместе с просьбой объяснить, как работает ретро-телефон, подняв трубку которого можно прослушать воспоминания цыган.

Помимо перспективы организации последующих выставок, мы, как мне кажется, внесли свой вклад в осмысление межэтнических отношений, в исследование производства социального неравенства и возможностей его преодоления, а также в понимание того, как способствовать развитию гражданского диалога в нынешнюю эпоху «некооперирующего я». Мы предполагаем, что 2500 человек видели нашу выставку изнутри, и еще сотни заглянули в окошки. Мы, конечно, не считаем, что все прошло напрасно! Но в соответствии с критериями прикладной науки мы потерпели неудачу и вернулись туда, откуда начинали.

Итак, мы начинаем подготовку второго выставочного турне. К счастью, один из наших коллег сохранил все наши экспонаты буквально когда мы уже собирались свернуть. Он хочет вывесить их на автобусных остановках в своем родном городе, промышленном центре, где еще живут цыгане, бывшие свидетелями послевоенной рабочей миграции. Арендные ставки в центре города подскочили после 1989 года, и большинство цыган уехало в периферийные районы региона в соответствии с одним из типичных постсоциалистических паттернов расселения в чешских городах.

Инновационная прикладная наука стала для меня одним из важнейших профессиональных вызовов и смогла принести мне одновременно невероятную радость, удовлетворение – и, как ни странно, горькое разочарование. ■

Корреспонденцию направляйте Катерине Сидиропулу Янку <katerinasj@fss.muni.cz>

> Меняющийся ландшафт китайской трудовой политики

Лифень Лин, Университет штата Висконсин, Мэдисон, США

Активисты НКО и рабочие отмечают успешное завершение переговоров в Гуаньчжоу. Фото Лифень Лин.

Начиная 2010 года, когда Китай накрыла волна общенациональных забастовок, СМИ и активисты нередко изображают китайских рабочих как беспокойных участников бесчисленных беспорядков, забастовок и демаршей. Но сегодня трудовые НПО (неправительственные организации) и молодые исследователи трудовой деятельности, как правило, рассказывают похожие истории: особенно в Южном Китае, где сконцентрировано большинство мировых производителей в стране, постепенно претерпевает изменения характер сопротивления рабочих. Оно смещается от индивидуальных судебных разбирательств в сторону коллективных действий, от незапланированных беспорядков и

прекращения работы к стратегическим забастовкам и переговорам. За кулисами трудовые НПО и активисты играют ключевую роль в мобилизации и организации протестов.

В то же время, как исследователи, так и активисты уже давно критикуют китайскую систему профсоюзов как излишне бюрократичную и непредставительную. Многие наблюдатели полагают, что, возможно, единственная ощутимая польза, приносимая профсоюзами работникам, заключается в лоббировании нового трудового законодательства: профсоюзные председатели часто занимают лидирующие позиции в комитетах и Народных Собраниях коммунистической партии на национальном и местном уровнях, поэтому они играют заметную роль в законотворчестве. Как правило, профсоюзная система работает как бюрократический партийный орган: профсоюзные чиновники назначаются партией и мало контактируют с рабочими, имея лишь ограниченное представление о реалиях трудовых от-

ношений. Кроме того, многих чиновников гораздо больше волнует количество членов профсоюза и объемы денежных взносов, чем защита прав трудящихся. При изучении забастовок наблюдатели нередко отмечают, что профсоюзные чиновники сотрудничают с правительственными чиновниками или работодателями, пытаются убедить работников вернуться на свои рабочие места. В цехах на производстве союзы зачастую больше заинтересованы в том, чтобы держать рабочих под контролем, чем в решении их проблем.

Когда я начинала полевую работу в Шэньчжэне, я предполагала, что именно трудовым НПО и активистам – а не официальным профсоюзам – принадлежит будущее в формировании трудовых отношений. Если бы я ограничила объект своего исследования НПО, фабриками и общинами, вероятно, я бы до сих пор пребывала в уверенности, что НПО находятся в эпицентре борьбы за права трудящихся. Но стоило мне получить доступ

>>

в местные офисы профсоюзов, я начала осознавать, что как профсоюзы, так и неправительственные организации адаптируются к стремительно меняющейся системе трудовых отношений в Китае, и что китайская трудовая политика в настоящее время изменяется под влиянием обоих акторов.

Участие трудовых НПО в организации и мобилизации работников – относительно недавний тренд. Последние десять лет трудовые НПО в основном занимаются предоставлением услуг работникам из сельской местности, не обладающим социальными ресурсами, доступными жителям Китая с городской пропиской. НПО предлагают юридическую помощь работникам, плохо знакомым с трудовым законодательством и не имеющим достаточных средств, чтобы воспользоваться услугами адвоката, организуют для них незатейливую развлекательную программу (например, кинопоказы).

С 2010 года, однако, многие работники участвуют в акциях на рабочих местах. В ответ некоторые трудовые НПО теперь обучают свой персонал оказанию помощи в организации профсоюзов и ведении коллективных переговоров. Но трудовые НПО сталкиваются со значительными вызовами: их повестка часто ограничена в соответствии с волей международных спонсоров, и они сталкиваются с политическим репрессиями со стороны китайского государства. Многие трудовые НПО очень малы и обладают крайне ограниченными ресурсами. Кроме того, трудовые НПО часто относительно изолированы друг от друга, из-за разногласий спонсоров или идеологических различий. У ряда НПО очень узкие организационные интересы: если одна НПО ввязывается в забастовку, это может оттолкнуть другие НПО. Эти организационные вопросы часто усложняют то, что за сторонним наблюдателям кажется единой стратегией «гражданского общества».

Зная, что трудовые НПО конкурируют за поддержку рабочих, профсоюзы Китая стали внедряться в области, издавна закрепленные за НПО. Все чаще профсоюзы оказывают своим членам юридическую, психологическую и материальную помощь, предоставляют стипендии для обучения в университете и скидки

на получение сертификатов, отправляют на курсы профессиональной переподготовки, а также тренинги по профсоюзной работе и ведению коллективных переговоров. Обладая большим объемом ресурсов и более прямым доступом во многие сферы, профсоюзам зачастую удается достичь гораздо большего, чем маленьким НПО. Некоторые профсоюзы уделяют больше внимания мобилизации работников в цехе, доходя даже до проведения демократических выборов, обещая отчитываться перед членами о своей деятельности и защищать их интересы.

Тем не менее, профсоюзные программы, какими бы полезными они ни были, и профсоюзная политика реформ, по-прежнему не достигают большинства заводских филиалов. Профсоюзы Китая включают в себя семь административных уровней: центральный, областной, муниципальный, районный, уличный, уровень локального сообщества, а также заводской. Только активисты заводского уровня являются рабочими предприятия; на всех других уровнях профсоюзные кадры вербуются партией и ставятся чиновниками. Хотя профсоюзы обладают вертикальной управленческой структурой, союзы высшего уровня не могут управлять профсоюзами более низкого, так как профсоюзные деятели на каждом уровне назначаются соответствующим парткомом, а не профсоюзом более высокого уровня – политическая структура, типичная для Китая и иногда описываемая как сегментация в стиле «ловушка-и-тупик».

Проблема вырисовывается с особой ясностью, когда и профсоюзы, и трудовые НПО вмешиваются в забастовки рабочих. В июне прошлого года рабочие начали забастовку после того, как реорганизованная компания по производству обуви в округе Лонг провинции Гуандун не смогла прийти к консенсусу со своими работниками по поводу заработной платы и социальных пособий. Независимая неправительственная организация помогла рабочим самоорганизоваться, снабдив советами о том, как действовать в общении с работодателем и полицией. В ответ муниципальный совет предпринял необычный шаг: он направил в регион делегацию чиновников, чтобы убедить районный союз поддержать бастующих рабочих.

Тем не менее, ни районный профсоюз, ни государственные органы не приняли предложение муниципальному профсоюзу. Вместо этого, по совету районного партийного лидера, они позволили работодателю уволить бастующих рабочих, полиции – арестовать рабочих представителей в надежде подавить забастовку – что им в конце концов удалось. Но какой ценой! Когда уволенный работник покончил жизнь самоубийством, спрыгнув с крыши фабрики, последовавшая реакция СМИ оказала значительное давление на правительство города и партийный комитет. Муниципальный профсоюз подверг резкой критике районный профсоюз и правительство местных чиновников, но на том все и закончилось: муниципальный профсоюз не имеет вовсе никаких механизмов, позволяющих привлечь районный профсоюз к ответственности.

Под влиянием коллективных протестов трудящихся и трудовые НПО, и профсоюзы претерпевают изменения. В течение прошлого года НПО создавали трудовую сеть и объединяли свои ресурсы. Они все чаще координируют между собой работу по организации трудовых протестов. Особенно значимы следующие события: Шэньчжэньский муниципальный профсоюз в прошлом году создал прецедент,пустив свою старую организацию, рекрутировав профессиональных организаторов и отправившись на поиски новых способов организации рабочих, тем самым прокладывая путь между социальными потрясениями и консервативной бюрократизацией.

Теперь, когда углубляется взаимодействие профсоюзов, государства, работодателей, трудовых НПО и работников, может ли в Китае зародиться новая форма промышленного профсоюзного движения, отличающаяся от той, что мы видим в других странах, проходящих через процесс индустриализации? В эпоху, когда профсоюзные активисты всего мира зачастую игнорируют потенциальную роль государства в трудовых отношениях, Китай, возможно, еще предоставит пример того, как государство и общество может по-прежнему играть ключевую роль в улучшении жизни трудящихся граждан. ■

Корреспонденцию направляйте Лифень Лин
<lilin@ssc.wisc.edu>

> Как создать программу по социальным наукам на мировом уровне

Эрджюмент Челик, Фрайбургский университет, Германия, Член правления Исследовательского комитета МСА по рабочему движению (ИК 44) и ИК по общественным движениям, коллективному действию и социальным изменениям (ИК 48).

Участники программы «Глобальные исследования» университета Джавахарлала Неру, Нью-Дели. Фото Эрджюмента Челика.

В течение двух последних десятилетий социальные ученые стремятся развивать глобальную негегемонную социальную науку. Критика евроцентризма и развитие социальной теории на Глобальном Юге породили оживленные дебаты о потенциале развития социальной науки на периферии/Юга и необходимости обмена опытом на мировом теоретическом уровне, а также значимости сочетания профессиональных и общественных интересов и обязательств социальных исследователей.

Какой свет может пролить на эти дебаты тринадцатилетний опыт Программы «Глобальные исследования» (Global Studies Program, GSP)? GSP - двухлетняя магистратура по социальным наукам, реализуемая совместно Фрайбургским университетом (Германия), Университетом КваЗулу-Натал и Кейптаунским университетом (ЮАР), ФЛАСКО (Аргентина), Университетом Джавахарлала Неру (Индия), а также Университетом Чулангкорн (Тайланд). Учебный план программы включает в себя дисциплины по социологии, политическим наукам, антропологии, исследованиям труда, международным отношениям и географии. С 2000 года более 300 студентов из 60 стран приняли участие в программе, обучаясь в трех партнерских университетах.

>>

В рамках этой международной, междисциплинарной и межкультурной программы студенты знакомятся с разнообразными университетскими традициями и сталкиваются с различными взглядами на процесс преподавания и обучения. Они не понаслышке узнают об обществе той страны, в которой живут во время обучения, и получают возможность по-новому взглянуть на свое общество. Получив несравненный жизненный опыт и ознакомившись с набором ценностей, формирующим базис глобальной социальной науки, к концу обучения они становятся обладателями уникальной высококачественной магистерской степени. Благодаря этому опыту студенты узнают, что такое настоящий «космополитизм». Межкультурная среда дает им возможность жить в местах и условиях, значительно отличающихся от того, с чем они знакомы и к чему привыкли. Благодаря постоянным межкультурным контактам они учатся понимать, принимать и воспринимать «других». Программа непреднамеренно превратилась в платформу, на которой участники развивают и консолидируют то, что Ари Ситас называет «этикой примирения», усваивают идеи волонтерства (добровольчества), сотрудничества, взаимопонимания и уважения.

Развитие социальных наук на мировом уровне предполагает наличие межкультурных компетенций не только у студентов, но и у преподавателей и администраторов, от которых ожидается чувствительность к запросам студентов из разных стран, институциональных контекстов и культур труда и т.д. Готовность к оказанию помощи разным студентам является одним из аспектов развития глобальной социальной науки, призывающей к восприятию студентов как потенциала, а не бремени. Профессорско-преподавательский состав программы состоит из заметных представителей «глобальной публики»: уверенных в себе, прекрасных ораторов и педагогов, высокообразованных и ответственных «граждан мира», обладающих потенциалом воздействия на наше глобальное общество.

Негегемонное взаимное обучение должно стать ключевым аспектом любой такой программы. Можно предположить, что GSP, организованная партнерскими университетами на четырех континентах, для каждого из которых характерны собственные традиции и принадлежность к особой системе знаний (а именно стран Европы или Глобального юга), представляет собой идеальную рамку для распознавания и применения глобально связанной системы знания. Рэйвин Коннел отмечает, что поскольку магистерские и аспирантские программы в метрополии ограничены сложившимися профессиональными нормами науки, им трудно интегрировать глобально инклюзивные учебные планы. Именно с этой трудностью столкнулся в последнее десятилетие Фрайбургский университет. Несмотря на это, наперекор всем учебным и институциональным ограничениям, преподаватели проложили дорогу к созданию более инклюзивных ридеров при подготовке новых курсов, таких как «Дебат о модерности и вызов евроцентризму», «Социологи как публичные интеллектуалы: взгляд с Юга», «Метафора, аллегория и притча в глобальной социологии». Студенты отреагировали поло-

жительно. Критические эссе, особенно написанные студентами из Северной Америки и Германии, пронизаны одним мотивом: Все они признают, что университетское образование, получаемое ими на Западе основано на евро-американско-центричном знании.

Динамика программы по выстраиванию диалога между профессиональной академической деятельностью и публичной активностью - это вклад в то, что мы теперь называем «публичной социологией». Если мы по-новому посмотрим на историю программы, мы обнаружим, что во время учебы в партнерских университетах в разных странах, студентов призывали к участию в полевых исследованиях, зачастую связанных с ключевыми проблемами каждого конкретного общества. Условие об обязательном прохождении практики позволяет им принять участие в работе и жизни общественных движений, НКО, общинных организаций, профсоюзов, а также академических и правительственных институтов. Как сказал бы Майкл Буравой, «они сохраняют свою связь с гражданским обществом». Студенты становятся «органическими» участниками программы вне зависимости от того, станут они в дальнейшем социологами, или нет. В большинстве случаев участие в общественной жизни выливается в академическую работу и научный анализ, представленный в их магистерских диссертациях. Программа предоставляет платформу для объединения публичной, политической, критической и профессиональной социологии, а также, в частности, для налаживания диалога между профессиональной и публичной социологией.

Одна из основных трудностей, с которой столкнулась программа - это рыночная повестка, формирующая университетские системы по всему миру. Ключевая проблема заключается во все углубляющейся прекарности условий работы академического персонала, что негативно сказывается на стабильности программы. Особенно в Германии, преподаватели и администраторы среднего уровня сталкиваются с проблемой отсутствия гарантии занятости, и большинству приходится покидать программу в какой-то момент вне зависимости от своей приверженности ее целям.

Другая проблема заключается в неравных отношениях власти между партнерскими университетами. Сознательно или нет, Фрайбургский университет зачастую воспринимается как ключевой участник партнерства. Можно ожидать, что в будущем остальные университеты-участники начнут настаивать на равной роли в партнерстве. Действительно, эгалитарная структура - важнейшее условие для успеха этой программы и ей подобных.

Несмотря на все трудности, опыт программы вносит ценный вклад в развитие социальных наук на мировом уровне, содействуя обучению у периферии, способствуя достижению взаимопонимания и открывая академическую платформу, в рамках которой социологическое воображение сочетается с политическим. ■

Корреспонденцию направляйте Эрджюменту Челику <ercumentcelik@gmail.com>

> Профессии в международной перспективе: открывая тему¹

Эллен Кульман, Каролинский институт, Швеция; **Туба Агартан**, Колледж Провиденс, США; **Дебби Боннин**, Университет Претории, ЮАР; **Хавье Пабло Эрмо**, Университет Буэнос-Айреса, Аргентина; **Елена Ярская-Смирнова**, Высшая школа экономики, Москва, Россия; **Моника Ленгауэр**, Технический университет Дортмунда, Германия; **Шон Руггуан**, Университет Квазулу-Натал, ЮАР; **Вирендра П. Сингх**, Аллахабадский университет, Индия; все авторы – члены ИК МСА по вопросам профессий (ИК52).

Глобализация фундаментально расширила масштаб и область практического применения профессий. Особенно это верно для развивающихся экономик. Неoliberalный поворот в западном мире поставил под вопрос принципы государства благосостояния, а режимы госэкономики продолжают урезать бюджет на профессиональные услуги.

Несмотря на это, быстро развивающиеся рынки в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и в некоторых других странах со средним уровнем дохода населения создают новый спрос на профессиональные навыки и услуги как в приватном, так и в публичном секторе.

Эти социальные процессы предоставляют уникальные возможности для исследования того, как меняются профессии в различных социальных контекстах, в режиме «реального времени». В то же время рассмотрение профессий в контексте глобализации требует критического осмысления таких понятий, как профессия и профессионализм, сформировавшихся в политических и экономических условиях западных государств благосостояния XX века.

Государство является центральным элементом дискуссий о профессиях. Однако социологи редко размышляют о геополитических и культурных контекстах особенных понятий «государства» и «гражданства». В последних исследованиях уделяется больше внимания глобализации и транснациональному управлению, делается упор на межнациональном сравнении. Однако при обсуждении профессий исследователи, как правило, все еще в первую очередь опираются на опыт западных стран, обращая мало внимания на Глобальный Юг или страны Востока.

Мы стремимся поставить существующие подходы с ног на голову. Мы привлекаем исследования, проведенные различными авторами в ЮАР, Индии, Аргентине, России, Турции и арабских странах. Однако, в связи с отсутствием общего «эталона» за пределами обсуждения «профессий государства благосостояния», ниже мы представляем примеры развития профессий, используя отношения между государствами и профессиями в качестве объединяющей темы.

В арабских странах «профессионализм» часто описывается как универсальная концепция и цель. Арабские профессионалы (например, профессора университетов) обсуждают профессиональные ценности в терминах, поразительно напоминающих функционалистские подходы 1960-1970-х гг. Ключевыми понятиями этих подходов были целостность, конфиденциальность и доверие, а также социальная ответственность, объективность и работа, основанная на знаниях. В то же время в этих подходах отсутствуют черты, являющиеся основными для западного функционализма, такие как организация профессиональных ассоциаций и цели контроля и монополизация. Это показывает, что универсальные подходы к профессионализму могут быть стратегически мобилизованы для построения профессионального поля, однако профессиям все еще не хватает крепкой базы научных доказательств, и у них нет продуманных механизмов общественного контроля и государственной поддержки.

В Турции и России централизованные государства создавали ограничения для развития профессий и самой идеи профессионализма. Вследствие этого политические изменения в обеих странах формируют по-новому отношения между государством и профессиями. Однако это происходит различным образом. В Турции, стране со средним уровнем доходов, где доминирует рыночная логика и неизменно растет консюмеризм, растет спрос на услуги публичного сектора. В то же время политика, основанная на новом государственном менеджменте, пытается взять под контроль профессии. К примеру, в секторе здравоохранения очевидна комбинация различных стратегий. Политика нового государственного менеджмента усилила контроль за врачами, но также и создала новые связи между медицинской профессией и государством: власти вводят новые управленческие должности для врачей, а медицинская профессия уделяет менеджменту все больше внимания в медицинском образовании.

¹ Речь идет о проекте ИК 52 (социология профессий). Информацию об исследовании в каждой стране см: www.isa-sociology.org/pdfs/rc52_professions_in_world_perspective.pdf.

“Исследователи все еще опираются на опыт западных стран, обращая мало внимания на Глобальный Юг или страны Востока.”

В России в 1990-е годы имели место существенные перемены в области профессий. Например, появилась новая профессия социального работника, которая совмещала старую и новую системы ценностей, создавая новое профессиональное поле с соответствующей системой подготовки. В то время как государственная политика низких зарплат и гендерные культуры социального труда затрудняют развитие этой профессии, новая рыночно ориентированная социальная политика способствует профессионализации. Социальные работники необходимы для обеспечения доступа к социальным правам и валидации нуждемости. Следовательно, социальная работа все больше интегрируется в публичный сектор, но также извлекает пользу из расширения рынка. В то же время социальным работникам не хватает власти, чтобы определить собственную идентичность или свою позицию в новых маркетизированных политических механизмах – механизмах, которые в том числе могут повлиять на их отношения с клиентами.

Индия и ЮАР переживают рост экономики и глобально-го влияния, и в обеих странах уже появились более плюралистичные государственные механизмы. На развитие профессий влияют как глобализация, так и колониальное прошлое стран. Как в Индии, так и в ЮАР англосаксонская модель либерального государства благосостояния привела к появлению профессий с сильным самоуправлением, включая контроль доступа к этим профессиям.

В Индии профессия юриста находится в эпицентре могучих сил глобализации, а также национального регулирования, сдерживающего рыночную конкуренцию между юридическими фирмами и ограничивающего доступ иностранных юристов. Индийские и зарубежные юридические фирмы разрабатывают стратегии рыночного расширения при помощи новых форм корпоративного расследования. Индия становится основным местом аутсорсинга правовых процессов (эта стратегия уже распространена в издательском деле и ИТ секторе). Такие трансформации способствовали созданию маленького элитного профессионального сегмента, а также подорвали статус тех профессиональных юристов, которые не могут участвовать в конкуренции на глобальном рынке. В связи с влиянием глобальной корпоративной политики, у государства была лишь ограниченная возможность для реорганизации профессий элитистского юридического сегмента.

Быстрый экономический рост ЮАР сопровождается развитием профессионализма в публичной сфере и интеграцией в публичный сектор. Пост-апартеидная политика включает высокий спрос на профессиональное развитие, ориентированное на большую открытость профессионального мира (инклюзивность). И все же гендерные и расовые паттерны неравенства продолжают структурировать мир профессий. Здесь профессионалы могут организовывать мощные структуры самоуправления, независимые от государства, и сохранять профессиональную монополию, контролируя доступ к профессиональным сферам. Рестратификация, маркетизация и перемены в управлении только укрепляют традиции гендерного и расового неравенства, несмотря на отсутствие (формальной) юридической и государственной поддержки и новые правовые требования по борьбе с дискриминацией. Недавние меры, предпринятые государством для регулирования профессий - часть программы государственных реформ - могут стать угрозой для устоявшихся профессиональных монополий и открыть двери для ранее исключенных социальных групп.

Наконец, экономический рост в Аргентине способствует развитию сферы социальных услуг и плюрализации управления. Исторически Аргентина имеет тесные связи с Европой (особенно с латинскими странами). Эти связи формируют профессионализм публичного сектора, например, создают новые транснациональные возможности высшего образования, особенно профессионального образования и аспирантуры. Профессиональные группы отвечают на запросы транснациональных рынков, создавая новые карьерные шансы для индивидуальных профессионалов и новые процессы производства знаний и сертификации навыков. Данный пример подчеркивает, как глобализация и транснационализм могут укреплять роль профессиональных сообществ как агентов изменений и политических игроков не только в национальных, но и потенциально в международных масштабах.

Наши кейс-стади охватывают целый ряд профессиональных областей – от высшего образования, юриспруденции и СМИ до социальной работы и медицины. Каждая история уникальна и находится в процессе разворачивания, и каждая из них внесет вклад в развивающийся глобальный взгляд на профессии. ■

Корреспонденцию направлять Элен Кульманн <ellen.kuhlmann@ki.se>

> Спасибо, Начо!

Изабела Барлинска, Исполнительный секретарь МСА, Мадрид, Испания

Хосе Игнасио Регера, известный в МСА как Начо.

В январе 1987 года контейнер с материалами МСА преодолел путь из Амстердама в Мадрид, и секретариат МСА начал новую жизнь в Испании. Вскоре после того, как мы распаковались и обосновались на новом месте, начались приготовления к XII Мировому социологическому конгрессу МСА в Мадриде. В те дни в МСА состояло около 2000 членов (сейчас их 6000). Программа Конгресса была напечатана на обычной пишущей машинке, а факс был новейшим средством коммуникации.

Именно тогда Хосе Игнасио Регера, известный всем нам как Начо, стал сотрудником секретариата. Он работал вместе с нами с тех самых пор – с этого момента прошло около 30 лет. Сейчас он решил уйти на пенсию. Три десятилетия Начо работал с базой данных о членах нашей ассоциации, а когда началась эпоха интернета, он стал первым вебмастером МСА. Спасибо, Начо, за самоотверженную работу по превращении МСА из домашней ассоциации в современную международную структуру! ■